

Анна Лерн

СОЛНЕЧНАЯ ТАЙНА
ИЗАБЕЛЬ

Анна Лерн

Солнечная тайна Изабель

«Автор»

2026

Лерн А.

Солнечная тайна Изабель / А. Лерн — «Автор», 2026

Что делать, если ты всю жизнь занималась недвижимостью, жила роскошно и ни в чем себе не отказывала, а потом вдруг, попала в чужое тело и стала хозяйкой виноградника? И не только виноградника, а и обедневшей виллы, которая требует основательного ремонта. Конечно же брать все в свои руки и заниматься делами, как и положено настоящей бизнесвумен. ХЭППИ ЭНД

© Лерн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Лерн

Солнечная тайна Изабель

Глава 1

Все, что случилось со мной до того, как я совершенно неожиданным образом очутилась в чужом теле и в чужой стране, ничем другим, как дуростью назвать было нельзя. Вы спросите почему? Да потому что, взрослой сорокавосемилетней женщине, не пристало быть такой наивной душой, даже если ей заморочили голову нежными признаниями и клятвами в вечной любви. Но с этими стереотипами я справилась «на ура» и даже отправилась в загс, дрожа от волнения, словно невинная кокетка, будучи старше своего жениха на пятнадцать лет...

В этот «счастливей» день, я находилась в приподнятом настроении и уже вовсю представляла наш медовый месяц на Кипре. Я сняла дорогой отель, купила красивое белье и теперь с нетерпением ждала этого отдыха.

Мой будущий муж был самым шикарным экземпляром из индустрии фитнеса. Подтянутый, спортивный, с ухоженной бородкой и чистыми синими глазами, обрамленными стрелками длинных ресниц.

Ну, не было у него миллионов и шикарных домов, но у меня они ведь были, и чахнуть над ними как злобный старик из сказки, я не собиралась. В свои года я выглядела на тридцать пять и вполне верила в то, что можно полюбить не за деньги, а за душу. Фигура у меня тоже была хорошей, благодаря спорту, массажу, дорогим маслам и кремам, что только добавляло уверенности.

Жениху Артемчику в прошлом месяце исполнилось тридцать три года, но нас эта разница в возрасте совершенно не смущала и мы наслаждались своим счастьем.

Он приехал за мной на белом лимузине и, сияя от радости, вручил букет красных роз.

— Ты шикарно выглядишь. Не устаю восхищаться тобой, дорогая.

Еще бы я выглядела не шикарно, в платье от знаменитого кутюрье и комплекте драгоценностей, стоивших как дом на побережье.

Гости ждали нас в загсе, чтобы потом отправиться в ресторан, оплаченный тоже мною...

Погода стояла жаркая, на небо не проплывало не единой тучки и палящее солнце припекало основательно. В узком платье из тяжелой ткани я сразу же взмокла, и милостиво выслушав восхищения от подруг, отправилась в дамскую комнату, чтобы немного обновить макияж.

Поискав глазами в толпе младшую сестру, я раздраженно нахмурилась — никогда ее нет рядом в нужный момент! Что ж, справлюсь сама.

Не спеша я привела себя в порядок, поправила прическу, и придирчиво оглядев себя в зеркало, вышла в узкий коридор. Пройдя несколько метров, я поняла, что завернула не туда и разозлилась. Настроят этих коробок с кучей непонятных комнат!

Быстро шагая между дверными коробками, я, наконец, услышала голоса гостей и удовлетворенно хмыкнула. Слава Богу, не пришлось носиться в поисках выхода! Мне вспомнился Фарад из фильма «Чародеи» и я снова нервно хохотнула.

Я прошла мимо очередной полуоткрытой двери и вдруг резко остановилась. Белый костюм Артемчика и золотистое платье сестренки, за которое я отвалила приличную сумму.

Сделав несколько шагов назад, я уставилась на происходящее в комнате, и мне казалось, что в этот момент мое сердце бахает, как отбойный молоток.

Артемчик жадно целовал мою Лизоньку, а она с наслаждением отвечала ему, устроившись на старом столе и обхватив моего жениха ногами.

Опомнившись, я прижалась к стенке, чувствуя лопатками ее прохладную шершавость, и прикрыла глаза, успокаивая дыхание.

Возня в комнате закончилась, и я услышала тяжелое дыхание Артемчика, а потом и его охрипший голос:

— Ничего, осталось подождать совсем немного, и Надькины деньги будут наши.

— Мне уже кажется, что этого не случится никогда! — капризно протянула моя сестрица. — Надоело ждать!

— Что ты предлагаешь, грохнуть ее сразу после свадьбы? — раздраженно произнес мой жених. — Нужно чтобы прошло хотя бы полгода! А потом может случиться все, что угодно — поскользнулась в бассейне, выпала из окна, отказали тормоза...

— Ты уверен, что все достанется нам? — нетерпеливо поинтересовалась Лизонька, и он ласково ответил:

— Конечно моя дорогая, а кому же еще? Ты — единственная сестра, а я горячо любимый муж.

Объелся груш, хотелось сказать мне, но я лишь «отлипла» от стены и твердым шагом пошла прочь, окаменев настолько, что толкни меня и я развалюсь на части, как гипсовая скульптура.

Гости что-то говорили мне, но я никого не слышала, идя между ними к выходу. Все выглядело нелепым и нереальным, словно дурной сон.

Значит я упаду в бассейн... отлично. Только вот деньги и недвижимость перешли бы не «горячо любимому» мужу, а благотворительной организации «Семицветик», помогающий детям, борющимся с раком, а бизнес — моему славному партнеру, с которым мы его и начинали. Сестра, конечно, получила бы некоторую сумму на содержание, но она была несравнима с тем, что получили бы они, не составь я завещания. Распахнув дверь загса, я подобрала длинное платье и помчалась вперед, обдуваемая жарким июльским ветром.

Подбежав к светофору, я остановилась под удивленными взглядами прохожих и тут моя нога, соскользнув с бордюра, подвернулась и словно в замедленной съемке, я начала падать на проезжую часть. Оглушительный сигнал автомобиля, визг тормозов и темнота, пронизанная красными всполохами...

* * *

— Изабель... ну пожалуйста, очнись... Изабееель...

Тоненький детский плач ворвался в мой мозг тоненькими иголочками, и я с трудом открыла глаза. Господи, что происходит?

Тело жутко болело во всех мыслимых и немыслимых местах, а надо мной нависли два детских одинаковых лица, залитых слезами.

— Изабель очниись... — снова раздалось тоненькое причитание, и я подумала, что где-то рядом лежит какая-то Изабель. Попали вместе под машину? Вполне вероятно, это было как раз последнее, что я запомнила.

Маленькие ручонки принялись тормошить меня, и я застонала, не понимая какого черта этим детям от меня нужно и где врач.

— Она приходит в себя! — радостно пропищало рядом. — Она жива!

— Дети, оставьте меня в покое... — прошептала я, ощущая невероятную сухость во рту. — Позовите врача...

И в этот момент я замерла, услышав чужой голос и чужую речь, льющиеся из моего рта. Я прекрасно понимала, что говорю, но это был явно не русский язык! Певучий, мелодичный, с плавным, мягким окончанием слов. И голос был не мой! Нежный, девичий, без тех хриплых, приказных ноток руководителя огромной организации.

Переборов боль, я с трудом села и обвела взглядом место, в котором находилась — это явно не шоссе и даже не больница. Больше всего это походило на гостиную старого дома с деревянной лестницей, ведущей на второй этаж.

— Изабель! — на мне повисли незнакомые мальчишки лет шести и, судя по их одинаковым лицам — они были близнецами. — Ты так напугала нас, когда свалилась с лестницы!

Я свалилась с лестницы??? Да что, черт возьми, происходит???

Уже более осмысленным взглядом я посмотрела на мальчишек и отметила, что они очень красивые ребята — смуглые, с длинными ресницами и миндалевидными глазами эбонитового цвета. Одеты они были в белые льняные рубашки и темные штанишки с одной бретелей наискосок. Она крепилась к поясу при помощи большой поцарапанной деревянной пуговицы. На ногах у них были темные гольфы и выдавшие виды башмаки коричневого цвета с растрепанными шнурками.

— Вы кто? — поинтересовалась я у них и мальчишки, переглянувшись, снова завывли в один голос.

— Она не помнит, что наша сестрааа! — один из них отполз от меня и принялся тереть глаза грязными кулачками. — Что делать, Матео?!

— Марко, беги за доктором Галлиани! — воскликнул второй ребенок и погладил меня по щеке. — Изабель, это же мы! Марко и Матео — твои братья! Пожалуйста, не пугай нас!

Братья? Изабель это я??? Я что, попала в сумасшедший дом???

Но мой цепкий ум все-таки не дал совершить глупость, и как только я немного пришла в себя, принялась отчаянно соображать. Случилось нечто неподдающееся объяснению и прежде чем совершать какие-то действия, нужно приглядеться, понять, что же все-таки произошло. Да и детей было жалко — они двумя испуганными комочками сжались на полу и поглядывали на меня полными слез глазами.

— Я просто ударилась головой, — как можно мягче сказала я и даже улыбнулась им. — Не бойтесь, все пройдет.

— Ты уже помнишь нас? — мальчик с кучерявым чубчиком осторожно приблизился ко мне. — Что я Матео, а это Марко?

Второй ребенок тоже подошел ко мне, и я кивнула.

— Конечно, я вас помню, вы — мои милые братья. И я очень люблю вас.

Итак, мальчик со смешным, торчащим чубчиком — Матео. Хоть какое-то отличие!

— И мы тебя любим Изабель! — они бросились ко мне и снова повисли на шее. — Значит не нужно бежать за доктором Галлиани?

— Нет, обойдемся без него, — я попыталась встать, преодолевая боль. — Так значит, я упала с лестницы?

— Да, — быстро закивал головой Марко. — Ты бежала вниз, чтобы посмотреть, как горит наш сарай и упала!

— Какой это сарай у нас горит? — меня, будто током ударило. Еще этого не хватало! — Почему он горит???

— Матео пробовал высечь огонь... — начал было рассказывать его брат, но я уже не слушала его.

Держась то за голову, то за бока, я подбежала к большим, темным дверям с красивым рисунком в виде виноградной лозы и распахнула их.

Солнце ударило мне в глаза, и я зажмурилась, чувствуя, как боль еще сильнее разрывает голову. Точно сотрясение... Теплый, ароматный ветер взъерошил мои волосы, но я сразу почувствовала запах гари и огляделась — так и есть, струйка серого дыма поднималась в небо, но горящего сарая не наблюдалось. От него остались одни головешки, которые еще слабо дымили и потрескивали.

Ну, слава Богу, мне еще осталось потушить пожар и коня на скаку остановить!

С бешено бьющимся сердцем, я опустилась на ступени и только сейчас поняла, что нахожусь в очень странном месте... Передо мной раскинулся квадратный дворик с неработающим, облупленным фонтаном посреди, а от него убегала вдаль достаточно широкая аллея, прорезая своей желтоватой лентой оливковую рощу.

Хозяйственные постройки выглядели так, будто за ними давно никто не ухаживал и их облезлые стены навевали уныние. Медленно обернувшись, я увидела большой дом, накрытый глиняной черепицей оранжевого цвета, и чуть ли не ахнула — да это же настоящая вилла, только пришедшая в упадок!

Стены винного цвета, гладкие колонны, поддерживающие широкий балкон с красивейшими каменными перилами и арочные окна первого этажа, заканчивающиеся у самой земли. Все это великолепие находилось на возвышенности и даже с того места где я сидела, были видны изумрудные виноградники. Фантасмагория какая-то...

Итак, я умерла и попала в тело какой-то Изабель, имеющей братьев близнецов и проживающей на настоящей вилле. Конечно, эта теория выглядела полным бредом, но что еще можно было предположить в моем случае?

Я не знала, какой внешности была эта бедняжка, свалившаяся с лестницы, но ручки у нее были молодыми, хоть и имели следы труда. Возможно, она одна тянула этот дом и братьев? Вопросов было больше чем ответов и чтобы не сходить с ума от предположений, я решила все разузнать и уже тогда делать выводы. По крайней мере, оказаться в чужом теле было намного лучше, чем оставаться в своем мертвом.

— Прости нас Изабель, — услышала я позади себя жалобный голос и обернулась. Сорванцы стояли позади меня, понуриив свои темные головки. — Мы больше не будем...

— Я на это очень надеюсь, — вздохнула я, все еще находясь в состоянии «невесомости» между мирами. — Вы же не хотите остаться на улице, если сгорит наш дом? Разве можно быть такими безответственными?!

Мальчишки уселись по обе стороны от меня и притихли, тихо посапывая и шмыгая курносими носами.

Я же смотрела в изумрудную даль и удивлялась своему спокойствию. Наверное, правильно было бы испугаться, закатить истерику, упасть в обморок, но я находилась в каком-то stupоре и ничего из вышеперечисленного мне делать не хотелось.

Вряд ли это был сон, слишком реалистичные вещи происходили вокруг меня, да и на помутнение сознания это не походило — логически выстроенных галлюцинаций не бывает.

Все-таки, перемещение души... Интересно, за какие заслуги мне дали еще один шанс?

Что ж, придется им воспользоваться. Да, в конце концов, это ведь чудесно! Новая жизнь, впереди еще столько всего! А мой опыт стал замечательным бонусом к молодому телу!

— Марко, Матео, проводите меня в мою комнату, — попросила я мальчишек и сразу же добавила: — У меня немного болит голова. Хочется полежать.

— Конечно Изабель! — Марко первый вскочил на ноги и схватил меня за руку. — Отдохни, а мы с Матео почитаем сказки под старым дубом.

— Обещайте, что больше ничего не подпалите! — я грозно взглянула на них, и они завертели головами.

— Обещаем! Обещаем!

Мы вернулись в дом, и я осмотрелась уже более пристально — холл, в котором ко мне вернулось сознание, был довольно просторным и, судя по лепнине и венецианской штукатурке, когда-то выглядел более чем шикарно. Но сейчас краски поблекли, кое-где вся эта красота облупилась и теперь являла собой жалкое напоминание былой роскоши. Полы, выложенные мраморной плиткой, тоже медленно разрушались, и отбитая крошка периодически попадала под ноги.

Из холла вели вглубь дома два арочных проема и за ними виднелись анфилады комнат, которые я решила осмотреть, как только мне станет лучше.

Красивая лестница была украшена точно такой же резьбой, как и входные двери — переплетающиеся виноградные лозы с налитыми гроздьями и искусно, до самой тоненькой прожилки, вырезанные листья.

Она громко скрипела под нашим весом, и каждая ступенька вибрировала под ногами, грозя развалиться в самый неподходящий момент.

Второй этаж протянулся по всему периметру дома, и я насчитала примерно десять дверей, в оправе из натурального камня. Здесь полы были деревянными и на них лежали выдавшие виды ковры с короткой бахромой по краю. Тяжелые драпировки на окнах поела моль и когда-то великолепная парча превратилась в блестящую тряпку, усеянную мелкими дырочками.

Но нужно было отдать честь хозяйке — не смотря на ветхость, дом был чистым и, ни пыли, ни грязи здесь не наблюдалось. По углам не висела паутина, а небольшие трещины на стенах, были аккуратно замазаны глиной.

Матео распахнул передо мной двери, и я вошла в просторную комнату с высокой кроватью. Стены спальни, покрытые бежевой штукатуркой, выглядели свежо, как и белый потолок с изящной лепниной. По изголовью кровати снова расползлись виноградные лозы, переплетаясь между собой самым немислимим образом, и даже оправка большого зеркала не миновала участи быть украшенной виноградом. Здесь явно с уважением относились к этой ягоде.

Меня тут же потянуло к зеркалу и, задержав дыхание, я резко подняла глаза. Ух! Вот так дела!

На меня смотрела очень молодая девушка, практически дитя и на вид я бы дала ей не больше семнадцати лет. Темные волнистые волосы, брови с легким, красивым изгибом, длинные ресницы и черные, будто южная ночь, глаза. На щеке девушки темнела очаровательная родинка, а сочные губы были по-девичьи свежими. Не сказать, чтобы совсем красавица, но мила однозначно. Изабель...

Ко всему этому мой нежный лоб украшала фиолетовая шишка, а на щеке темнела ссадина. Ничего... скоро от всего этого не останется и следа, а моя жизнь начнется с чистого листа.

Глава 2

Но полежать мне толком не удалось — прошло примерно полчаса, как внизу раздались голоса, и я приподнялась на локтях, прислушиваясь к происходящему. Неужели близнецы снова что-то натворили?

Тяжело вздохнув, я поднялась и поправила одежду, выглядевшую, по меньшей мере, странно, но и я ведь была не в двадцать первом веке.

На мне была туникообразная рубашка с широкими рукавами и длинная широкая юбка темно синего цвета. Рубашка, украшенная вышивкой и кружевами, была чистой, но не новой и на ней кое-где виднелись следы штопки. На юбке в сборку, выделялась кайма из другого, более плотного материала бордового цвета, по которой плелся рисунок из цветов. Корсаж с завязками как спереди, так и сзади не очень плотно стягивал талию и служил, похоже, больше украшением, чем поддерживающим элементом одежды. Он имел длину до талии и плотно облегал фигуру и к моему удивлению, рукава к нему были не пришиты, а привязаны тесемками.

— Донна Изабель! Донна Изабель! — громкий женский голос прервал мои размышления по поводу костюма и я, резко встав с кровати, почувствовала легкое головокружение. Тише, тише... не стоит быть такой резвой.

Глубоко вздохнув, я распахнула двери и сразу же увидела женщину лет пятидесяти, с очень располагающим, приятным лицом и взволнованным взглядом. Одета она была почти, как я, за исключением того, что ее одежда из более грубого материала не имела ярких расцветок, а волосы на макушке прикрывал накрахмаленный чепец. Черноволосая и темноглазая, она была похожа на цыганку.

— О Мадонна! — воскликнула она и ее рот вытянулся в длинную букву «о». — Что с вами, донна Изабель?! Что с вашей милой головкой?!

— Лучиана, Изабель свалилась с лестницы! — из-за ее спины появилась голова Матео, и женщина, охнув, резко повернулась к мальчишкам, которые топтались позади.

— Ах вы, негодники! Стоит мне на минуту покинуть виллу, как здесь обязательно что-то происходит! Сожгли сарай, покалечили сестру!

— Она сама упала! — воскликнул Марко и взглянул на меня такими чистыми глазами, что я не удержалась и сказала:

— Я действительно упала сама.

— Когда бежали тушить сарай? — незнакомая Лучиана укоризненно посмотрела на меня и пригрозила мальчишкам пальцем. — Сегодня на ужин придут уважаемые люди, и не приведи Господь вам что-то сотворить! Клянусь святым Франциском, я запрю вас на чердаке!

Ужин? Я растерянно хлопнула глазами и мысленно застонала. Только этого еще не хватало! Мало того, что я еще толком не пойму где нахожусь, так еще и ужин, на который придут «уважаемые люди»! Наверняка я должна знать их и это будет практически испытанием — не вызывать подозрений.

— Как же быть? Ох, мать Божья... — тем временем Лучиана прикоснулась к моей шишке и тоном, не терпящим возражений, сказала: — Идите в кровать донна Изабель, я сейчас принесу мазь и заварю траву, чтобы снять головную боль. Сколько лет служу в этом доме, и видывала многое, но эти дети, как ураган, все сносят на своем пути! По всей Энталии не найти таких сорванцов!

Она быстро пошла по коридору, а я порадовалась тому, что начинаю хоть что-то понимать. Лучиана — служит на этой вилле, я, как и мальчишки — ребенок хозяев, ведь обращается она ко мне «донна». Вопрос, где они? Или их нет? Место, в котором я оказалась — Энталия. Осталось узнать какой век и год.

— Изабель... — раздался тонкий голосок и вынырнув из своих мыслей, я увидела, что Матео держит Марко за руку и часто часто моргает, отчего мелкие бисеринки слез срывались и падали на пол. — Не продавай «Мистико соларе»! Это наш дом!

О Господи, что еще?! «Мистико соларе»... Вилла! «Солнечная тайна».

Я молчала, соображая, что происходит. Значит так и есть — родителей у этой троицы нет и Изабель, коей я сейчас являюсь, собралась продать виллу.

— Не нужно плакать, — я прижала мальчишек к себе. — Я подумаю, что можно сделать. Вы поэтому подожгли сарай, скажите честно?

— Да, — кивнул Марко, сопя носом. — Мы вообще можем все поджечь, чтобы наша вилла никому не досталась!

— Так, молодой человек! — я резко оборвала его. — Больше никаких поджогов! Ясно?

— Да...

— Вот и хорошо, а теперь идите, мне нужно подумать.

Мальчишки ушли, а я вернулась в комнату и подошла к окну. Вид из него открывался сумасшедшей красоты, и я залюбовалась раскинувшимся передо мной пейзажем — изумрудные холмы, над которыми сияло жаркое солнце, убегающий от виллы склон с ровными рядами виноградника и желтая дорога, выходящая к самой лазурной дали горизонта.

— Пройдет еще немного времени, и оставшиеся рабочие уйдут от нас, — услышала я голос Лучианы, неслышно вошедшей в комнату. — Вы это прекрасно понимаете, донна Изабель, мы в том месяце продали все вино из старых запасов, чтобы выплатить им деньги. Больше продавать нечего.

Я обернулась к ней и молча, наблюдала, как она ставит на столик поднос с чайными принадлежностями и блюдцем с какой-то неприятной на вид субстанцией.

— Вы приняли правильное решение продать виллу. На эти деньги можно скромно жить в небольшом домишке, и не думать, как прокормить свою семью, — продолжала мягко говорить женщина, наливая чай в красивую фарфоровую чашку. — Но вы могли бы выйти замуж и тогда эти земли достались бы вашему мужу, как приданное. Мне бы не хотелось, чтобы донна жила, как обычная крестьянка.

Вот значит как... То, что вилла приходила в упадок, было видно невооруженным взглядом, но почему, имея виноградники, эта семья не имела достатка? Может девочка Изабель не могла руководить всем, что досталось ей в наследство? Наверное родители умерли и теперь у нее не получалось вести дела, ведь как не крути, она совсем молоденькая девочка, а тут бескрайние земли с виноградом... А это виноделие с сопутствующими нюансами сего производства... Есть о чем подумать. А что если?...

Я закусила губу, ощущая прилив энергии. Стоп. Ты никогда не занималась виноградом, виноделием и иже с ними! И что? — внутренний голос горделиво хихикнул. — Ты раньше не занималась недвижимостью, но заработала на этом миллионы. Главное хватка. У тебя она есть. Ты — бультерьер Надя, не забывай этого.

— Донна Изабель, с вами все в порядке? — Лучиана с тревогой смотрела на меня. — Будто и не слышите меня.

— Все хорошо, — я улыбнулась ей. — Давайте уже свой чай.

Чай был горьким и неприятно вяжущим, но я выпила все до дна и послушно дала обработать вонючей мазью свою шишку.

— Сегодня к ужину придет все семейство Гуерро, вместе с теткой Франческой, — Лучиана фыркнула и принялась вытирать руки уголком передника. — Такая неприятная особа! У нее вечно нахмуренные брови и сжатые в узелок губы, будто она готовится свиснуть! Ее племянник Диего и брат Джузеппе, полностью в ее подчинении! Старайтесь быть любезной с ней, донна Изабель, ведь вы знаете, что в этой семье очень много денег, и они могут дать за виллу хорошую сумму.

— Я постараюсь, — пообещала я, будучи не очень уверенной в том, что обещаю.

— Николо Моретти, тоже богат, но жаден, — Лучиана продолжала описывать гостей, и я была благодарна ей за это, собирая информацию. — Поэтому нужно дать ему понять, что торговаться за «Мистико соларе», бесполезно. Антонио Галли вообще хочет получить ваши земли даром! Я даю голову на отсечение, что этот престарелый казанова, начнет ухаживать за вами!

Итак, меня ждет ужин с людьми, желающими заполучить мои земли и для них они лакомый кусок. Но почему я должна отказываться от этого куска? Нужно срочно разузнать истинное положение дел на вилле и принять решение. Хотя, если судить по своему опыту — было бы желание, а возможности всегда найдутся.

Отвар Лучианы действительно помог, и головная боль отступила, оставив после себя лишь легкое покалывание в области шишки. Женщина постаралась прикрыть ее волосами, красиво уложив их в форме короны и впустив прядь прямо на это торчащее безобразие. Солнце уже садилось за изумрудные холмы, и его лучи красиво играли на стенах виллы, сияя слепящими бликами в чисто вымытых окнах.

Я переделалась к ужину в чистую и более новую одежду, которая тоже состояла из юбки колокольчика, вышитого корсета и рубашки с пышными рукавами. Широкие полосы кружев красиво чередовались с полосами белоснежных лент, и дураку было понятно, что эта рубашка стоила хороших денег. Когда-то эта семья была богатой, и мне становилось все любопытнее — да что же здесь произошло?

К вечеру я стала немного нервничать, ведь у меня практически не было времени опомниться, осмотреться, подумать, в конце концов, и после первого шока, мое сознание все-таки начало впадать в легкую панику. Такое бывало со мной и раньше — я боялась встречаться с партнерами, стоящими в бизнесе на несколько голов выше меня, боялась подписывать бумаги, страшась какого-то подвоха, боялась садиться за руль скоростного автомобиля в первый раз...

Но мои страхи всегда оставались позади, стоило мне взять себя в руки, и уперто идти дальше. Я каждый раз повторяла себе — «Если не перебороть свой страх — он одержит победу над тобой».

Чем это могло закончиться, я видела по некоторым бизнесменам, позволившим себе расслабиться или поддаться страху. Они скисали, теряли хватку, спивались, а порой, не выдержав этой борьбы, заканчивали очень плохо.

Поэтому я вгрызалась в эту жизнь, как могла, отменяя все сомнения, страхи и не нужные волнения. Что изменилось теперь? Да, это чужая страна, чужое время, чужое тело, но внутри этого тела нахожусь я — Надежда Климова и меня уж точно здесь никто не сломает. Справлялась с бандитами, с нерадивыми партнерами, с предательством и запугиванием! Так неужели я не справлюсь с попаданством?

— Скажи спасибо, что ты не очнулась грязной нищенкой на помойке... — сказала я своему отражению в зеркале и гордо приподняла подбородок. — Ничего, повоюем.

Паника начала отступать, освобождая место такому знакомому и приятному чувству азарта. Вооот, это совсем другое дело.

Под окнами послышался стук лошадиных копыт и скрип подъезжающего экипажа — похоже, начали съезжаться «уважаемые гости», а если точнее сказать — стервятники слетались на лакомый кусок.

Я выглянула из-за шторки и с интересом принялась наблюдать за прибывшим семейством. Итак, это Гуерро. А вот и тетка Франческа...

Будто черная ворона она резко контрастировала своим темным нарядом с яркой природой, освещенной лучами заходящего солнца. Она вышла из экипажа при помощи слуги, и на секунду, из-под черного подола мелькнули накрахмаленные нижние юбки.

Ее наряд был без всяких вычурностей, строгий и мрачный, а скорее всего — вдовый. Седую голову покрывала кружевная накидка и из-под нее виднелся только большой, клювообразный нос, что добавляло ей сходства с вороной.

Следом за ней из экипажа показался невысокий мужчина с блестящей лысиной и круглыми щечками, которые тряслись от каждого его движения. На нем была белоснежная рубашка с пышными кружевными манжетами, а спереди ее украшало шикарное жабо. Распашная куртка из яркой шелковой ткани с вышивкой имела такие узкие рукава, что казалось, подними он руки, и они разлезутся по швам. Мужчина постоянно протирал лицо и лысину платочком и тут же театрально им обмахивался. А вот и Джузеппе — брат Франчески...

Молодой Диего оказался не менее колоритным, чем его родственники — толще своего отца в несколько раз, он обладал густой шевелюрой, торчавшей во все стороны и носом картофелиной на щекастом, красном лице. Ноги и руки у него были удивительно короткими и настолько нелепо смотрелись по сравнению с большим, пухлым туловищем, что я не удержалась и громко рассмеялась. Он мне напомнил одного из Трех толстяков Олеша.

Пока я рассматривала новопривывших, во дворик въехал еще один экипаж и вскоре из него показался мужчина лет сорока пяти — высокий, очень худой и угловатый, он походил на фонарный столб. Одет он был скромно, и мне бросились в глаза коротковатые рукава его куртки — такие бывают у подростков, выросших из своей одежды. Похоже, чтобы не покупать новую одежду, ему подшивали обтрепанные края. Тут даже гадать не пришлось — Николло Моретти.

Все собравшиеся поприветствовали друг друга и принялись что-то обсуждать, повернувшись к виноградникам. Решают, кому достанутся столь шикарные земли?

Почему-то меня это покорило.

Снова послышался стук копыт и на аллее показался всадник. Он спешился и, передав поводья парнишке в широкой рубахе, подошел к остальным. На вид ему было лет пятьдесят, может больше и выглядел он намного элегантнее, чем трое других мужчин. Одежда сидела на нем идеально, черные с проседью волосы были аккуратно уложены и напояжены, а начищенные сапоги чуть ли не слепили глаза своим блеском. Жесткий орлиный профиль, высокий лоб и резкий излом бровей делали его внешность немного злой и отталкивающей. Антонио Галли. Странно, но мужчину казанову, я себе представляла немного иначе...

— Донна Изабель! — в комнату заглянула Лучиана. — Пора гостей встречать!

Пора, значит пора. Я в последний раз посмотрела на себя в зеркало и пошла вниз за суетливо говорящей женщиной.

— Донна, я приготовила каччиаторе, ньокки, ведь сегодня четверг, и испекла бискотти к чаю! Думаете, этого хватит?

Малопонятный набор слов мне ни о чем не говорил, но я с умным видом кивнула и сказала:

— Конечно, хватит, они все равно сюда не едут.

— Так-то оно так, но ведь гости уважаемые, к деликатесам привыкшие... — гнула свое Лучиана. — А я что могу? Что есть из того и готовлю!

— Вот дома пускай деликатесами и наслаждаются! — я начинала раздражаться от этой суеты. — Переживать будто больше не о чем!

Лучиана как-то странно взглянула на меня, и я мысленно пообещала себе, следить за языком. Это тебе не офис подчиненными, Надежда. Аккуратнее.

Женщина бросилась к дверям и очень вовремя распахнула их, так как гости уже поднимались по лестнице. Она склонила голову, приветствуя местную элиту, а я вдруг подумала, что не знаю, как вести себя. Что делают в таких случаях молодые девушки? Присаживаются в реверансе? Смущенно хлопают глазками? Что?

Первой вошла тетка семейства Гуерро, она обвела холодным взглядом холл, и когда он остановился на мне, я легонько присела, вспомнив книксен из исторических фильмов.

— Добро пожаловать на виллу «Мистико соларе», сеньора, — сказала я и чуть не приснула — это прозвучало абсолютно по-дурачки из моих уст.

Она надменно кивнула, и тут же из-за ее спины показался братец Джузеппе. Он «покатился» ко мне и как только я сделала очередной книксен, приложился к моей ручке.

— Добрый вечер донна Изабель.

За ним тут же возник его сын Диего, и его масляные глазки скользнули по моей фигуре, вызвав во мне волну отвращения.

— Донна Изабель, — он поцеловал руку и так тряхнул своей копной, что его щеки мелко задрожали. — Я рад нашей встрече.

Я улыбнулась ему, и как только он отошел, увидела Николло Моррети. Он держался строго и важно, что никак не вязалось с его короткими рукавами. Господи, неужели ему жалко денег даже на собственную одежду?

— Приветствую вас, донна Изабель, — сказал он каркающим, хриплым голосом и сразу же скользнул в сторону, уступая место Антонио Галли.

Напомаженная голова склонилась к моей руке, и влажные губы коснулись пальчиков. Мне сразу же захотелось вытереть их о юбку, но я естественно сдержалась и снова приветливо улыбнулась.

— Добро пожаловать.

Краем глаза я заметила, как Лучиана показывает мне что-то, тыча пальцем в один из арочных проходов, и поняла, что она намекает — пора к столу!

— Прошу вас к столу, — вежливо предложила я, и первая пошла в ту сторону, куда показывала Лучиана. Нужно было не валяться в постели, а осмотреть дом! Кто знает, где они тут ужины устраивают?

Курица **каччiatоре** / **cacciatore** — известное итальянское блюдо, из обжаренной то золотистой корочки курицы, тушеной с томатами, грибами и сладким перцем.

Ньбкки (итал. gnocchi) — **итальянские клёцки, обычно овальной формы**. Чаще всего для их приготовления используются пшеничная мука, манная крупа, яйца, сыр, рикотта, картофель, шпинат, хлебные крошки.

Бискотти — сухое итальянское печенье, которое традиционно подают к кофе и сладкому вину. В переводе с латинского **biscotto** означает «испеченный дважды» — в **этом** секрет технологии его приготовления.

Глава 3

Столовую я обнаружила сразу — ароматы пищи повели меня в нужном направлении, стоило только войти в арочный проем.

Комната была уютной, с камином и окнами в пол, через которые можно было выходить на террасу. Полы, выложенные красивой керамической плиткой, стены, выкрашенные в теплый желтый цвет и украшенные изящными бордюрами. На стене несколько потрескавшихся фресок, на которых изображены сценки из сельской жизни, мебель красного дерева — все это лишний раз говорило о некогда богатой жизни хозяев этой виллы.

Прямоугольный стол, накрытый белой скатертью, был умело сервирован и я подумала, что Лучиана очень хорошая помощница для этой Изабель. Девушка молодая, неопытная, двое маленьких братьев и огромное хозяйство — без толковой головы и трудолюбивых рук Лучианы не обойтись. Интересно, что держит эту женщину здесь? Привязанность к обитателям виллы? Вполне возможно, ведь она могла служить здесь долгие годы.

— Прошу вас, — снова повторила я, приглашающим жестом, указывая на стол, и гости принялись рассаживаться, гремя стульями.

Джузеппе Гуерро помог усесться своей сестре и пристроился по правую руку от нее, а его сынок сел слева от тетки.

Николло Моретти и Антонио Галли, заняли места напротив, а я, как хозяйка дома, села во главе стола.

— Угощайтесь, — мило сказала я, поглядывая на незнакомые мне блюда. — Моя Лучиана очень старалась, чтобы угодить вам.

Гости взялись за столовые приборы и первые минут десять, за столом слышался лишь стук вилок и ножей.

— Изумительное каччиаторе! — наконец произнес Джузеппе, и его сын согласно закивал головой.

— Полностью с вами согласен отец, ньокки тоже выше всех похвал! — он повернулся ко мне и с масляной улыбкой произнес: — У вас хорошая повариха, донна Изабель.

— Она не только повариха, но и моя помощница во всех делах, — ответила я, справедливо полагая, что так оно и было.

— Надеюсь, что она отправится с вами, когда вы покинете виллу? — он промокнул губы салфеткой и отставил мизинец. — Молодой девушке нужна компаньонка.

Не плохо... Они уже выселяют меня отсюда! Пусть я появилась здесь совсем недавно, и в моей голове творилось черти что, но эти слова оскорбили меня. Вернее, я оскорбилась за бедную девочку, в теле которой находилась. Господи... я представляю, если бы вместо меня здесь оказалась моя сестрица. Истерика, обмороки и печальный конец — дом для душевнобольных.

— Диего! — вдруг каркнула тетка Франческа и ударила его убийственным взглядом. — Это неприлично!

Я, было, подумала, что старая ворона одернула его из-за замечания о моем переезде из виллы, но нет... Она сложила худые, жилистые руки на животе и добавила:

— Естественно донна Изабель будет не одна! Даже если ее помощница откажется и дальше служить ей, то деньги, которые она выручит за «Мистико соларе» позволят ей нанять компаньонку. Конечно, поселиться в столь роскошном месте, как эта вилла не получится, но купить домик в приличном районе, вполне осуществимая затея. Со своей стороны я даже могу порекомендовать несколько районов с довольно недорогим жильем.

Я чуть зубами не заскрипела, слушая ее, но это было лишь начало. В разговор вступил Николло Моретти.

— Донна Изабель, если вы решите продать «Мистико соларе» мне, то я не стану торопить вас с переездом. Вы можете спокойно жить здесь, пока не найдете достойное жилье и да, я готов на свои деньги нанять вам компаньонку. Оплачу целый год.

О как! Этот разговор начинал вызывать во мне веселый интерес. Как же вам хочется этих земель... А значит, они представляют огромную ценность. Ну-ну, кто больше, господа?

Семейство Гуерро не на шутку всполошилось. Тетка Франческа сверкнула черными глазами в прыткого Моретти и ее густые брови сошлись на переносице, а Джузеппе, внезапно севшим голосом, воскликнул:

— Не думаете ли вы сеньор Моретти, вести нечестную игру???

— Почему это нечестную? — он одернул свои короткие рукава и возмущенно погрозил ему длинным пальцем. — Не стоит так говорить, дорогой сосед! Я всего лишь хочу помочь донне Изабель! С каких пор, помощь одинокой женщине стала чем-то нечестным?!

— Не прикрывайтесь благородными намерениями! — голос Джузеппе перешел на фальцет. — Неужели вы думаете, что никто не понимает, что вы хотите завладеть «Мистико соларе»???

Я даже поставила локоть на край стола и подперла щеку кулачком, наблюдая за происходящим. Но вовремя опомнилась и снова села прямо — вряд ли так позволено сидеть благородной девице в приличном обществе. Хотя по поводу его приличности я бы поспорила.

Молчавший до этого Антонио Галли тоже подал голос. Он пригладил и без того прилизанные волосы и важно произнес:

— Я готов оплатить год обучения близнецов в папской семинарии. Ведь не в работники наниматься благородным юношам. Донна Изабель, уже сейчас пора думать о будущем ваших братьев.

Итак, он решил, что Марко и Матео ждет судьба священников. Ну, что ж, правильно — кем еще могут быть бедные дворяне?

Меня просто выворачивало от такой бесцеремонности и, сцепив под столом пальцы, я еле сдерживалась, чтобы не ляпнуть лишнего.

Пока Гуерро исходили злобой, Николло Моретти повернулся ко мне и спросил:

— Донна Изабель, пора принять решение. Кто удостоится чести стать хозяином «Мистико соларе»?

Я приняла решение мгновенно, и премило улыбаясь всем собравшимся, ответила:

— Я. Я удостоюсь чести быть хозяйкой «Мистико соларе».

— Что? — изумленные глаза моих гостей, уставились на меня с таким шоком, что я чуть не захохотала.

— Я останусь хозяйкой на своей вилле, — с готовностью и невыразимым удовольствием, повторила я. — Она больше не продается.

— Но это глупо! — воскликнул Николло Моретти, растерянно разведя руками. — Вилла придет в упадок! Виноградники погибнут! У вас не хватит опыта, чтобы привести здесь все в порядок! Ваш покойный отец, последние несколько лет только и знал, что спускал свое состояние в карты и вам, моя дорогая донна Изабель, не на что содержать все это!

— Он прав, — не смотря на показное спокойствие, Антонио Галли пошел красными пятнами. — Это глупое ребячество! Вы не понимаете, что делаете!

Франческа и Джузеппе смотрели на меня с плохо скрытым раздражением, а Диего увлеченно жевал, не поднимая лица от тарелки.

— Я прекрасно понимаю, что говорю и что делаю, — холодно ответила я, обедая всех своим коронным взглядом — от него в прошлой жизни нервничали мои конкуренты, а секретарши падали в обморок. — Благодарю вас за заботу о моей семье, но свое решение я менять не собираюсь.

За столом воцарилась тишина.

* * *

Лучиана тупо смотрела на меня и не находила слов, чтобы хоть как-то выразить свои чувства. Она побледнела и опустила на стул, комкая в руках фартук. Наконец, первый шок прошел и она, заикаясь, сказала:

— Донна Изабель, что же вы наделали? Как мы будем жить теперь? Почему вы отказали им?

— Потому что, я вижу цену этим землям и уверена, что они могут дать больше, чем за них предлагают, — я не привыкла оправдываться за свои решения, но понимала, что такие резкие изменения в крошке Изабель, вряд ли окажутся без внимания. — Тем более, эта вилла, в которой жили мои родители.

— Если бы ваш покойный батюшка не стал просаживать все это в карты, то можно было бы поверить, что он дорожит «Мистико соларе»! — нервно воскликнула Лучиана и тут же всхлипнула. — Простите меня, донна Изабель, просто я так переживаю! Что же теперь будет...

— Не нужно так говорить о моем отце, — сказала я, но не потому что мне был небезразличен чужой человек, а для того, чтобы вытащить из нее хоть какую-то информацию и не навлечь на себя подозрения. — Он любил это место.

— Когда-то, да. — Лучиана вытерла слезы и посмотрела на меня покрасневшими глазами. — Пока была жива ваша матушка, все было по-другому... Но стоило ей умереть, как ваш отец сорвался во все тяжкие. Карты, вино и бесконечные долги.

— Я до сих пор не могу поверить, что матушку невозможно было спасти, — закинула я пробную удочку и Лучиана тут же попала на крючок.

— Доктор приехал слишком поздно, ты помнишь, какая гроза бушевала в ту ночь? Все дороги развезло, и экипаж сеньора Галлиани увяз по самые рессоры. Когда он добрался на виллу, было уже поздно — ваша матушка скончалась от кровотечения, оставив Марко и Матео сиротами сразу после рождения...

История начинала проясняться — мать Изабель умерла при родах, а отец, не в силах справиться с горем, принялся топить его в вине и заглушать карточным азартом.

— Пусть простит меня пресвятая Дева, но если бы ваш отец не упал пьяный с лошади и не скончался на месте, сейчас бы вы жили в бедном квартале, в продуваемой всеми ветрами хижине, — проворчала Лучиана и покачала головой. — Возможно, так и будет. Вы ведь отказались выручить хоть какие-то средства за виллу и виноградники. Их могло хватить до замужества, а потом все расходы взял бы на себя ваш супруг. Вы очень милая и нашлось бы много сеньоров, желающих взять вас в жены. Какой-нибудь зрелый вдовец с деньгами вполне мог бы опекать и вас, и ваших братьев.

— Зрелый вдовец??? — я приподняла брови, слушая ее фантазии. — Вы считаете, что я достойна лишь зрелого вдовца?

Ну, уж нет... Я и в своей прошлой жизни была привередлива насчет мужчин, а сейчас и подавно не собираюсь вручать свое девичье тело какому-то престарелому богачу.

— Донна Изабель, вы уже взрослая девушка и пора бы выбросить из головы мысли о прекрасном принце! — Лучиана нервничала и хмурила брови. — Ваша подруга Айонела Вилкони вышла замуж за судью, который старше ее на тридцать лет! И что? Ходит на сносях, дом полная чаша, муж — уважаемый человек. Это ли не счастье?

— У меня немного другие понятия о счастье, — я упрямо уставилась на нее. — И в них нет места старым вдовцам и умудренным опытом судьям!

Слава Богу, что Лучиана всего лишь служит в этом доме и не является какой-нибудь старшей родственницей. Иначе мне было бы не избежать навязанного сватовства.

Женщина охнула и прижала к груди руки, выражая полнейшее изумление.

— Донна Изабель, вы хорошо себя чувствуете? Какая-то вы странная сегодня. Голова не болит?

— Изабель, не выходи замуж за старика! — из-за плотной шторы показалась голова с кудрявым чубчиком. Матео. — Он будет колотить тебя, и заставлять чесать ему пятки!

— Ах ты, маленький негодник! — Лучиана отдернула штору, и мы увидели двух сорванцов, прижавшихся к стене. — Ты что такое говоришь?!

Я принялась хохотать, а Марко выступил вперед и вступился за брата:

— Матео говорит правду! Брат Айонелы рассказывал нам, что старый судья заставляет ее чесать пятки и при этом кряхтит и говорит бранные слова!

— Успокойтесь, я не собираюсь выходить замуж за старика и чесать ему пятки, — не переставая смеяться, пообещала я, и мальчики, подбежав ко мне, уткнулись носами в юбку.

— И мы не уедем из «Мистико соларе»? — Матео поднял на меня темные глазки.

Меня так тронул этот умоляющий взгляд, что я чуть не расчувствовалась, хотя никогда не была склонна к сантиментам.

— Нет, мы остаемся здесь.

Мальчишки запрыгали вокруг меня, визжа, как ненормальные, а Лучиана схватилась за голову и запричитала, сетуя на жизнь и на мой, по ее мнению, опрометчивый поступок.

Этой ночью я долго не могла уснуть и мысли, как стая птиц кружились в моей голове. За весь этот сумасшедший день, я толком не успела разобраться в происходящем и теперь благодарилась свою деловую хватку, трезвый аналитический ум и умение приспособливаться к ситуации.

— Что ж, давай размышлять трезво, — сказала я вслух, глядя на большую луну, поднимающуюся над холмами. — Плюсы и минусы этого странного события.

В прошлой жизни я хоть и успешный бизнесмен, но по сути — одинокая и как не крути, не молодая женщина. Детей нет, из родственников — предательница сестра и куча вьющихся вокруг меня альфонсов, одним из которых оказался мой несостоявшийся муж. А здесь, молодое тело, большой дом, земли и мой расчетливый ум — прекрасный старт для начала!

— Прими это и успокойся, Надя, — снова прошептала я и сразу же окунулась в сладкий сон, с удовольствием зарывшись лицом в подушку. Это тебе не сорок восемь лет, ботокс и филлеры, когда боишься лечь на бок, чтобы не появились лишние морщины. А теперь можно... По крайней мере пока.

Утро началось с крика Лучианы, и с трудом разлепив глаза, я села в кровати. Господи, что опять произошло...

Не успела я громко и совсем не по-девичьи зевнуть, как в комнату ворвались мальчишки и залезли под одеяло с головой, толкаясь и тыча в мои ушибленные бока, острыми локотками.

Следом за ними вошла разгневанная Лучиана и, уперев руки в бока, воскликнула:

— Сеньор Марко и сеньор Матео, немедленно вылезайте из-под одеяла!

— Что случилось? — я чувствовала горячее сопение сорванцов и догадывалась, что они что-то натворили.

— Святой Франциск, эти дети сведут меня с ума! — женщина воздела руки и снова уперла их в крутые бока. — Они выпустили свинью, и эта скотина вырыла с десяток ям во дворе!

— Фатсо скучает в сарае! — раздалось из-под одеяла. — Ей грустно!

— Если бы она потерялась, было бы грустно вам, оказаться без мяса на столе! — Лучиана гневно топнула ногой. — Немедленно вылезайте!

Мальчишки все-таки выбрались из-под одеяла и встали перед ней, виновато понурив головы.

— Сколько это будет продолжаться? — она сверлила их строгим взглядом, но потом тяжело вздохнула и сказала. — Марш к столу! Я завтрак накрыла. Донна Изабель, вы тоже вставайте, уже солнце над виноградником!

Лучиана увела мальчиков, а я нехотя покинула кровать и, обнаружив фарфоровый таз с кувшином, умылась прохладной водой. Интересно, у них здесь душ есть? Ванна, скорее всего была, но купание в ней каждый день, могло обернуться некоторыми сложностями.

Я посмотрела на яркое солнце и сразу же в мою голову пришла замечательная идея — деревенский душ. Небольшая постройка на улице и емкость, в которой целый день будет нагреваться вода — все гениальное просто.

Глава 4

Завтрак состоял из ароматного хлеба фоккачо с сыром, сливочного масла и кофе с молоком. Но самым вкусным мне показался апельсиновый джем — прозрачный, с дольками фруктов, плавающих в янтарном, густом сиропе. Еще я обратила внимание на то, что вся посуда, от серебряных ложек и ножей, до дорогого фарфора, была в идеальном состоянии — Лучиана следила и за этим.

Мальчишки вели себя спокойно и съели все, что она положила им в тарелки. Вытерев липкие пальцы, они ерзали на стульях, готовые сорваться в любую минуту, но все же терпели, чувствуя свою вину за выпущенную свинью.

— Донна Изабель, чем вы займетесь после завтрака? — спросила меня Лучиана, подливая кофе в мою кружку. — Мне нужно сходить в город, взять в долг сахар и кофе... Если конечно Алонзо не откажет... Мы задолжали ему за два месяца.

— Я хочу сходить на виноградники, — сказала я, но мой взгляд не отрывался от серебряных столовых приборов. — Посмотреть, как там обстоят дела.

— Ну, сходите, сходите... — вздохнула Лучиана, собирая со стола тарелки. — Только вряд ли вы там увидите что-то новое...

Марко и Матео увязались за мной и, выйдя из дома, мы пошли по узкой дорожке, убежавшей к виноградникам.

Мальчишки бежали впереди, а я с любопытством разглядывала окружавшую меня местность. Зеленые рощи, густая трава, синее безбрежное небо и щебет птиц — рай на земле, не иначе.

Когда мы приблизились к ровным рядам виноградника, я увидела трех мужчин и двух женщин, собиравших урожай. Большие корзины с виноградом стояли в траве возле высокого вяза, и рабочие наполняли их, высыпая из плетеных кошелок, собранные гроздья.

Словно замороженная я взяла одну крупную кисть и подняла ее вверх под лучи оранжевого солнца. Тяжелая, с карамельно-мускатным ароматом, она покоряла своей первозданной красотой. В каждой яголке, пронизанной золотым лучиком, виднелась косточка, окруженная прозрачной мякотью и, не удержавшись, я с наслаждением принялась есть виноград, чувствуя, как лопаются на зубах упругая кожица.

— Доброе утро, донна Изабель!

Я повернула голову и увидела мужчину лет сорока в широкой рубаше и льняных штанах. Его строгое лицо было загорелым и обветренным, но темные глаза в сеточке морщинок, лучились добротой.

— Доброе утро, — я приветливо улыбнулась ему и смущенно кивнула на кисть винограда. — Очень вкусный.

— Да, один из ранних... — мужчина снял соломенную шляпу и неловким жестом пригладил волнистые волосы. — Донна Изабель, я прошу прощения... мы очень уважаем вас, но всем нам нужно кормить семьи... Этот виноград мы еще соберем, но потом...

Ему было неловко говорить это, но я его прекрасно понимала — кто будет работать за спасибо?

Черт, нужно было что-то предпринять, ведь если уйдут рабочие, все накроется медным тазом. Я лихорадочно соображала и тут же вспомнила серебро, которое присутствовало на столе и во время «званого» ужина и во время завтрака. Зачем эта никому ненужная роскошь? Плюс к этому дорогой фарфор... А если хорошенько перетрясти весь дом, то можно было найти еще много интересного, я была в этом уверена. Судя по тому, как это все бережно хранилось, меня ожидало немало приятных открытий.

— Я обещаю вам, что вы получите свои деньги, — твердо сказала я, глядя ему в глаза.
— Не позже, чем через три дня.

Мужчина изумленно уставился на меня, а потом поклонился и побежал к остальным, похоже, делиться сногшибательной новостью.

На этом моя прогулка закончилась и, позвав мальчишек, я помчалась домой, надеясь, что Лучиана еще не ушла.

Женщина уже вышла из дома и спускалась по лестнице, сжимая в руке плетеную корзину.

— Лучиана! — крикнула я и помахала ей рукой. — Погодите!

Она остановилась и испуганно уставилась на меня.

— Что-то случилось?

— Нет, — я с трудом отдышалась и, чувствуя, как пылают мои щеки, сказала: — Сегодня вы остаетесь дома, а завтра пойдем в город вместе.

— Это еще почему? — ее брови все больше хмурились, а во взгляде появилось подозрительное ожидание. — Донна Изабель...

— Давайте мы вернемся в дом, и я вам все расскажу, — я указала ей рукой на дверь и, покачав головой, женщина пошла обратно.

— Нет! — Лучиана схватилась за сердце и опустилась на стул. — Я не позволю! Мать Божья, мне дурно! Продать фамильное серебро! Только через мой труп, донна!

— И не только его, — я не особо реагировала на ее гневные вопли. Истерики меня было не прошибить — бесполезное занятие. — Фарфор и остальные дорогие вещи.

— Святой Франциск! Что происходит?! — она замерла с широко распахнутыми глазами. — Да разве можно семейные ценности продавать?

— Семейные ценности — это уважение и любовь к близким людям! Поддержка в трудные минуты их жизни, а не ложки с вилками! — гневно воскликнула я, и она закатила глаза, тихо постанывая. И чтобы прекратить эти ненужные препирательства, я воспользовалась довольно весомым аргументом. — Здесь я хозяйка и мне решать, как поступить с той или иной вещью.

Под тихие причитания Лучианы, я провела ревизию посуды и обнаружила несколько сервизов китайского фарфора, а так же три китайские вазы с пионами и бабочками. Но больше всего меня порадовало столовое серебро — вилки, ложки, ножи, блюдо, кувшин, чаша для пунша, чаша для охлаждения вина и солонка с откидной крышечкой.

— Это же целое состояние! — моей радости не было предела и, воодушевившись первой удачей, я решила, что после завтрашней поездки в город, хорошенько рассмотрю мебель — в столовой, например, я заметила чудесный столик на витых ножках.

— Вы думаете, спасет вас это? — Лучиана нервно теребила скатерть, на которой тускло поблескивало все наше добро. — Ну, продадите, дальше-то, что делать будете?

— Нужно людям деньги отдать, чтобы они урожай весь собрали! Иначе пропадет виноград! — я начинала раздражаться из-за ее упертости.

— Соберут они его и что? Не на кусту, так в корзинах забродит! — не унималась Лучиана. — Его ведь сразу давить нужно!

— Будем давить, — я тоже уперто сдвинула брови. — Всей семьей.

Во мне разыграл предпринимательский азарт — столько продукта, который можно пустить в дело! Ну, уж нет, сложа руки, я точно сидеть не буду!

Не в силах больше терпеть страдальческие взгляды Лучианы, я отправилась искать место, где можно было оборудовать душ и естественно, мальчишки увязались за мной. В нескольких словах объяснив им, что мне нужно, я отправила их на поиски, а сама принялась изучать постройку на территории дворика виллы.

Курятник, сарай, в котором недовольно хрюкала Фатсо и пустой коровник, по-видимому, коровы были на выпасе. Чуть поодаль, под навесом находился деревянный чан для давки винограда, рядом с ним стоял пресс и большие бочки.

— Да тут производство шло полным ходом... — прошептала я, заглядывая в чан с потемневшими от виноградных соков, стенками. — Есть где развернуться...

Обнаружив небольшой сарайчик с садово-огородным инвентарем, я тут же решила, что именно здесь и будет располагаться мой душ. Мальчишки нашли старую бочку от вина с деревянным краном, и осталось только поднять ее на крышу.

— Изабель, зачем тебе бочка на крыше? — Матео бегал вокруг меня, с любопытством заглядывая в глаза.

— Узнаешь, любопытный нос, — ответила я и подмигнула ему. — Прогуляемся в оливковую рощу?

— Зачем? — глаза у сорванцов стали круглыми и испуганными. — Там же живет старая Эдмунда! Она засовывает непослушных детей в корзины, а потом кидает их в печь! Вчера она шла по дороге в город, а за ней бежала ее черная собака! Мы с Марко видели ее!

Вот значит как... Еще интереснее... Что ж, я обязательно должна узнать, что это за старая Эдмунда, которой пугают детей.

— Бегите домой и скажите Лучиане, чтобы она испекла что-нибудь вкусенькое, — сказала я мальчишкам, и они радостно помчались к дому, моментально позабыв о старой Эдмунде вместе с ее черной собакой.

А я направилась в оливковую рощу, справедливо полагая, что должна знать обо всем, что происходит поблизости. Интересно, кто она? Почему о ней ходит дурная слава? Ведь зачастую дети повторяют все, что слышат от взрослых.

Медленно идя между деревьями, я любовалась удивительной красотой этого места и щурилась от удовольствия, когда мне на лицо падали запутавшиеся в ветвях, лучи полуденного солнца. Легкий ветерок шевелил листья и их вогнутая, серебристая сторона сменялась темно-зеленой, плавной волной пробегая по всей кроне.

Молодые, с пепельно-серой корой деревья, соседствовали с огромными и старыми, у которых ствол был темный и шершавый. Некоторые из них были расщеплены снизу таким образом, что напоминали ноги какого-то сказочного чудовища, застывшего в ожидании ночи.

— Добрый день, донна.

Скрипучий, немного каркающий голос, заставил меня остановиться и посмотреть по сторонам.

Старуха сидела на большом камне и, курила трубку, перебирая сухие пучки трав и раскладывая их в аккуратные пучки. Одета она была в длинную красную юбку и широкую блузу с пышными рукавами. Небрежно повязанный платок, приоткрывал седые волосы, в которых еще можно было разглядеть темные пряди. Рядом с ее ногами лежала черная собака и смотрела на меня спокойным, скучающим взглядом.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась я, сразу же поняв, что это и есть та самая «страшная» Эдмунда.

Она выпустила изо рта густое кольцо дыма и, отложив в сторону трубку, сказала:

— Иди, присядь рядом.

Меня просто распирало от любопытства и желания познакомиться с такой колоритной личностью, поэтому я воспользовалась ее приглашением и забралась на нагретый солнцем камень.

— Не боишься? — она приподняла седую бровь и взглянула на меня. — Никогда ведь не ходила здесь раньше.

— Не боюсь, — абсолютно честно ответила я. — Ни в корзину, ни в печь я уже не влезу.

Старуха хрипло рассмеялась и зашлась сухим, надрывным кашлем. Постучав себя по тощей груди, она снова засунула трубку в рот и глубоко затянулась.

Прошло несколько минут и она, наконец, сказала:

— Чужая ты будто, по-другому я тебя чувствую...

— Что значит по-другому? — я насторожилась, внимательно глядя на нее.

— Это как музыкальная шкатулка... — медленно произнесла Эдмунда. — Вот уронит ее ребенок, разобьет внутренности, а родители ее мастеру на починку отнесут. Все поправит, починит мастер и снова она, как новая, только музыка уже другая, незнакомая...

У меня даже мурашки по позвонку пробежали от ее слов — неужели действительно почувствовала ведьма?

— Да вроде бы все, как и было, — пожалала я плечами, делая вид, что не понимаю, о чем она говорит. — А музыка такое дело — сегодня одна, завтра другая.

— Ну да, ну да... — она усмехнулась, показывая на удивление крепкие зубы. — Как Марко и Матео?

— Хорошо... Проказничают, — ответила я, шурясь от солнечных лучей. — Наверное, стоит найти им занятие.

По этому неспешному разговору, я понимала, что старуха много знает о семье Изабель и мое любопытство становилось все сильнее.

— Дай-ка мне руку, — Эдмунда снова выпустила красивое кольцо дыма и напомнила мне курящую гусеницу из «Алисы в стране чудес». — Посмотрю, что там тебе судьба начертала.

Ощущая небольшой трепет, я протянула ей руку ладонью вверх и даже вздрогнула, когда она оказалась зажата в сухих, теплых пальцах старухи. Ее удивительную энергию было тяжело не почувствовать и легкие покалывающие всплески, пронзали мою кожу до самого запястья.

Эдмунда что-то зашептала и, раскачиваясь, принялась водить мундштуком трубки по линиям на моей ладони. Потом она замерла и подняла на меня свои темные, как ночь глаза, подпернутые туманной дымкой.

— Выбор... выбор... Тебя заставят выбирать... Нельзя поддаваться! Правильный путь сейчас у тебя донна... Темный человек с Севера... а ты у его ног... Он принесет и слезы и радость... Будь осторожна!

Старуха, будто вынырнула из какого-то беспамятства, и ее взгляд снова стал ясным и пронзительным. Она отпустила мою руку и взялась за трубку, будто ничего и не произошло.

— Кто этот человек с Севера? — спросила я, взволнованная ее предсказанием. — Когда он появится?

— Не знаю, — Эдмунда пожалала плечами, словно потеряв интерес ко всему происходящему. — Когда появится — тогда и узнаешь. Никому не говори о моем предсказании, поняла?

— Не скажу, — пообещала я и слезла с камня. — Пойду домой, иначе меня хватятся.

— Иди и помни — о моем предсказании должна знать только ты! — старуха погрозила мне костлявым пальцем и я еще раз пообещала ей молчать.

Всю дорогу к вилле, я думала о словах своей новой знакомой. Человек с Севера... Кто это? Норвежец? Русский?

— Чукча, — ответила я сама себе и тихо рассмеялась, представив в Энталии чукчу, у ног которого я всенепременно окажусь. Странное предсказание и если честно — не внушающее доверия.

Все еще улыбаясь, я вошла во дворик виллы и увидела экипаж, стоявший возле главного входа. Гости? Интересно, кто это пожаловал к нам...

Неожиданным визитером, оказалась Франческа Гуерро и когда я переступила порог дома, из арочного прохода, ведущего в столовую, показалась Лучиана. Она была взволнована и сразу же бросилась ко мне.

— Донна Изабель, где вы ходите? Сеньора Франческа хочет видеть вас!

— Меня много кто хочет видеть, мне что, разорваться? — по привычке ответила я и тут же прикусила язык. Черт! Снова я забыла, где нахожусь!

— Донна... — Лучиана прикрыла рот рукой, глядя на меня большими глазами. — Да что с вами такое?

— Слишком много проблем, я нервничаю, — ответила я первое, что пришло мне в голову, и быстренько ретировалась, кляня себя за несдержанность.

Сеньора Франческа сидела в кресле, и ее вороний наряд ничем не отличался от того, в котором она была на ужине. Завидев меня, она поджала тонкие губы, и в ее глазах блеснуло нечто, похожее на хорошо скрытую брезгливость.

— Добрый день, сеньора Франческа, — я постаралась быть вежливой и приветливой. — Что привело вас в «Мистеко соларе»?

— Серьезный разговор, — ответила она, даже не удосужившись поздороваться. — Это касается вашего будущего, донна Изабель.

Очень интересно... Что еще придумала эта семейка, чтобы завладеть моими землями?

В том, что Франческа все еще лелеет надежды заполучить «Мистико соларе», я не сомневалась ни минуты.

— Я слушаю вас, — мне стоило огромных усилий, чтобы выглядеть гостеприимной.

— Не стану ходить вокруг да около — вам очень повезло, дорогая, — Франческа надменно приподняла подбородок. — Наша семья готова принять вас.

Я даже немного опешила от такого заявления и вопросительно уставилась на нее, не представляя, что последует дальше.

— Донна Изабель, вы удостоены высокой чести, — с пафосом продолжила она. — Мой племянник Диего, готов взять вас в жены. Я понимаю, что для вас это очень неожиданно и сейчас вы, должно быть, испытываете восторг, но спешу предупредить вас, в нашем доме есть правила...

Стоп! Стоп! Я еще ничего не ответила, а мне уже ставят условия! Что за хамство?! Неужели это семейство думает, что я грохнусь в обморок от счастья, стоит мне предложить руку толстого Диего?

— Эээ... — я приподняла руку, останавливая этот поток горделивых речей. — Прошу прощения, сеньора Франческа, но в мои планы замужество пока не входит.

Она замолчала и в ее глазах застыло недоумение. Это молчание длилось несколько секунд, а потом она произнесла ледяным, как айсберг в океане, голосом:

— Вы отказываете моему племяннику?

— Он еще найдет свое счастье, — я так открыто смотрела на нее, так мило улыбалась, что заподозрить меня в язвительности или ехидстве, было просто кощунством. — Но, увы, не в «Мистико соларе».

Франческа так резко поднялась, что деревянное кресло с громким скрипом поехало назад и уперлось спинкой в стену. Лицо женщины побледнело, а губы превратились в тонкую полоску.

— Надеюсь, вы не пожалевте о своем решении, донна Изабель, — ее голос стал похож на шипение змеи. — Прощайте.

— Прощайте, — я поднялась и сделала неуклюжий книксен. — Была рада видеть вас.

Она прошествовала мимо меня, обдав тяжелым запахом каких-то приторных духов, и вскоре я услышала стук копыт и скрип отъезжающего экипажа. Итак, началась вторая часть марлезонского балета — осчастливить браком бедную сиротку и взять виллу с виноградниками в качестве приданного. Хитро.

Глава 5

Узнав о предложении Франчески, Лучиана схватилась за голову и снова начала причитывать.

— А этот чем вам не жених? Молодой, богатый!

— Неприятные они люди и сватают меня не от того, что их Диего воспылал ко мне великой любовью, а чтобы все это заполучить! — я начинала злиться, искренне не понимая, как можно было не видеть всех этих танцев с бубном вокруг виллы. — Я не хочу отдавать свои земли только за то, что какой-то толстый обжора, решил на мне жениться!

— Я не узнаю вас... — жалобно протянула Лучиана, оставив тесто, которое месила на большом деревянном столе. — Как будто подменили мою ласковую Изабель! Еще пару дней назад вы были такой милой деткой...

Я мысленно улыбнулась — да я и сейчас милая детка, просто не нужно пытаться обвести меня вокруг пальца и делать из меня дурочку.

Налив себе кофе из фарфорового кофейника, я откинулась на спинку стула и огляделась. Кухня была большая, выдержанная в терракотовом цвете с такой же, как и везде лепниной на потолке и стенах. Большой очаг, облицованный керамической плиткой, медная посуда, начищенная до блеска и высокие окна, прикрытые до половины светлыми, кружевными занавесками делали ее очень уютной. Тяжелая, громоздкая мебель эпохи барокко имела свой неповторимый шарм и красиво контрастировала с остальным убранством кухни. Солнце тепло поблескивало на медных поверхностях и от них по стенам прыгали солнечные зайчики. Я улыбнулась своему отражению в большом тазу и подумала, что все-таки мне нравится здесь.

— Пойду, поищу мальчишек, — сказала я и, отставив кружку, поднялась. — Что-то их не слышно.

— А чего их искать? — вздохнула Лучиана. — Сидят, небось, под большим дубом и читают сказки. Всю книгу уже до дыр истерли!

Я вышла из дома и огляделась — где же этот дуб? Но к моей радости, его густую крону я обнаружила за постройкой, в которой располагался пресс и бочки для вина.

Действительно, Марко и Матео сидели под деревом и ничего не замечали вокруг, уткнувшись в большую книгу

Дуб был просто огромным, с обломанными нижними ветвями и темной корой, заросшей изумрудным мхом. Верхние ветви раскинулись зеленым шатром и сквозь них почти не проникали солнечные лучи, делая все пространство под ними сказочным и немного мистическим.

— И что вы притихли здесь? — я уселась рядом с мальчишками и заглянула в книгу. — Какая сказка на этот раз?

— О человеке, который выходил только ночью! — радостно сообщил мне Марко. — Он женился на дочери рыбака!

— И почему же он не ходил днем? — поинтересовалась я, обнимая их и прижимая к себе.

— Потому что, этот человек днем был черепахой! — прошептал Матео. — Страшной, сморщенной черепахой!

— И что же случилось с ним потом?

— Жена очень любила его, и он превратился в прекрасного мужчину, — Марко сморщил лоб и взглянул на меня недоверчивыми глазами. — Изабель, так не может быть, правда?

— Увы, мой дорогой, в реальной жизни, мерзкая черепаха остается таковой навсегда, — честно ответила я. — Но иногда, она принимает прекрасный облик, чтобы сбить людей с толку.

Я вспомнила своего почти что мужа, и меня накрыло волной мстительного удовольствия — они с сестричкой явно не ожидали, что останутся ни с чем. Жаль, что я не увижу их лица при оглашении завещания. Ну, и черт с ними.

На следующий день, после завтрака, мы всей семьей отправились в город, набив большие холщевые сумки тем добром, которое я собиралась продать. Солнце уже поднялось над холмами и над землей поплыли головокружительные ароматы летних трав. Дорога изящной лентой убегала к полоске горизонта и казалось, что изумрудная даль плавно переходит в лазурную, с белоснежными барашками облаков.

Лучиана была недовольна и почти всю дорогу молчала, а мальчишки носились, как угольные и их веселые визги разносились по всей округе.

Я же размышляла над тем, сколько удастся выручить денег за столовое серебро и фарфор и хватит ли их, чтобы заплатить рабочим. Я понимала, что настоящую цену мне за них не дадут, но по моим расчетам, сумма все равно должна была быть приличной.

Город произвел на меня неизгладимое впечатление...

Высокие мрачные стены из грубого камня обступили нас со всех сторон, и мы какое-то время шли по узким улочкам, которые то убегали вниз, то поднимались вверх. В отличие от открытого сельского пространства, солнца в городе было мало и лишь узкая полоска света, проникала сверху, теряясь в темных углах и сырых подворотнях. В этих улочках можно было легко заблудиться, но на стенах домов я заметила нарисованные стрелки, под которыми было написано, как выйти в определенное место.

Но что меня поразило больше всего, так это статуи Богородицы с младенцем, расположенные в нишах домов. Это было так самобытно и прелестно, что я еле сдерживала себя, чтобы не вертеть головой, раскрыв при этом рот.

Наконец, мы вышли на главную улицу, и сразу же стало куда светлее. Появились цветы на окнах и в вазонах возле дверей, радуя глаз пестрыми красками — в бесконечном сером камне стен и дорог, жители городка все же придумали, как разукрасить свою жизнь.

Немного пройдя по ней, мы оказались возле красивой церкви — светлой и легкой, у дверей которой, стояли несколько нищих в темных одеждах. Я подняла голову и увидела на одной из стен стрелку и надпись — церковь Святого Антонио.

Марко и Матео притихли и вцепились в мои руки, немного растерявшись в давящей атмосфере города. Привыкшие к простору, они чувствовали себя зажатыми, и я их прекрасно понимала — к городу нужно привыкнуть.

Миновав высокую башню с часами, мы вышли на центральную площадь, где, похоже, находился центр городской жизни и место проведения различных гуляний. Небольшие магазинчики, гостиница и таверна, все это расположилось на ней, привлекая сюда горожан и гостей города.

Лучиана резко остановилась и, заметив на ее лице всю скорбь мира, я подняла голову, чтобы прочесть вывеску над темной, обшарпанной дверью. Ломбард.

— Может, вы передумаете? Донна... — она сделала последнюю попытку вразумить меня, но я уже стучала тяжелым дверным молотком, уставившись на закрытое окошко в этих самых дверях.

Через несколько минут раздался скрежет, и окошко распахнулось, являя нашим взглядам красное, заспанное лицо.

— Чего надо? — хриплый голос резанул ухо, и на меня пахнуло луком и застаревшими винными парами.

— Мы кое-какие вещи принесли, — я потрясла мешком. — Примите?

— А что там? — мужчина нахмурил кустистые брови. — Мне старье и железяки не нужны!

— Серебро, — ответила я, и дверь тут же распахнулась, впуская нас внутрь.

Ростовщик оказался грузным мужчиной с необъятным животом и одышкой. Темная борода была всклокоченной и неопрятной, но этот непрезентабельный внешний вид никак не вязался с хитрыми, проницательными глазами.

Он провел нас в небольшую комнатку, заваленную всяким хламом, и в ожидании уставился на меня.

Я выставила перед ним все, что мы принесли, и сразу же заметила, как в предвкушении наживы, затряслись его дряблые щеки. Он поманил меня пальцем, и когда я подошла ближе, сказал:

— Тысячу тиров. За все.

— Да здесь одного серебра на десять тысяч тиров! — возмущенно воскликнула Лучиана, услышав его слова. — Побойтесь Бога, сеньор Рикардо!

— Десять тысяч за все, — я подвинула к серебру китайский фарфор, понимая, что больше у этого жлоба не выторгую. — Или все серебро вернется домой. Я не собираюсь отдавать его за копейки.

Он смотрел на меня своими скользкими глазками, и я отчетливо видела, как скачут цифры в его глазах. Рикардо прекрасно знал, что выкупить мы эти вещи не сможем и уже подсчитывал прибыль.

— Что ж, хорошо, — он неприятно улыбнулся и порывшись в ящике стола, выудил оттуда тяжелый мешочек с монетами. — Возьмите донна и приносите побольше таких хороших вещей.

Когда мы вышли на улицу, Лучиана плакала, а я наоборот находилась в приподнятом настроении — деньги пойдут в дело и сожалеть о содеянном я не собиралась.

— Нужно отдать Алонзо долг за кофе и сахар, — она вытерла слезы и глубоко вздохнула, словно свыкаясь с тем, что серебро уже не вернется. — И купить еще, пока есть деньги.

Мы переглянулись с мальчишками, и я подмигнула им, почувствовав непреодолимое желание порадовать их чем-нибудь.

— Может пора купить новую книгу?

Они уставились на меня большими глазами, а потом радостно закивали темными головками.

— Да! Пожалуйста, Изабель! Пожалуйста!

Наша компания пошла дальше, и при каждом шаге я ощущала приятную тяжесть денег в кармане широкой юбки. Нужно быть осторожнее, чтобы не стать жертвой воров, иначе все мои планы могли рухнуть, так и не начав воплощаться в жизнь.

— Лучиана, а кто живет в том замке? — Матео дернул ее за юбку, и женщина посмотрела куда-то вверх.

— Этот замок принадлежит дону Массимо Ногаролла, — ответила Лучиана. — Его обширные земли, граничат с землями вашего батюшки со стороны озера Паджоре.

Я проследила за ее взглядом и увидела возвышающийся над городом замок. Его серые башни и кованые решетки на окнах выглядели по-средневековому мрачно. Немного полюбывавшись на эти величественные стены, я тут же забыла о них, стоило мальчишкам затащить меня в книжную лавку.

Очутившись внутри небольшой лавчонки, я поняла, что в любом времени книжные магазинчики имеют одинаковую атмосферу. Тот же запах таинственности и предчувствие встречи с чем-то неизведанным просачиваются сквозь тебя и заставляют с трепетом замирать перед полками с книгами.

Этот магазин, конечно, отличался от современного, но это было лишь плюсом, ведь в нем еще жили тот самый дух волшебства и аромат благородства — по крайней мере, у меня были такие ассоциации.

На невысоких стеллажах из дубовой доски стояли книги в разнообразных обложках — от обтянутых кожей, шелком, сафьяном, бархатом до обычных — из плотного картона. Книги высились стопками на столах, на широких подоконниках и даже на громоздком стуле с высокой спинкой.

Мальчишки стояли с раскрытыми ртами и смотрели на все это великолепие, как сладко-ежка на гору конфет. Ну, до чего же замечательные ребята! Интересно, кто приучил их чтению? Но ответ напрашивался сам собой — они ведь с рождения жили с сестрой и Лучианой. Значит, малышка Изабель постаралась привить им любовь к чтению.

— Их можно трогать? — прошептал Матео, сжимая мою руку горячей ладошкой.

— Лучше не стоит, — тихо ответила я. — Мы сейчасждемся хозяина и спросим его.

— Зачемждать, донна? Я здесь, — из-за стеллажа, стоявшего в полумраке угла, показался пожилой мужчина невысокого роста. Его седые кудрявые волосы были густыми, как у юноши, а острая борода свисала ниже пояса, завиваясь на концах каким-то совершенно невысказанным образом. Сквозь круглые очки на нас смотрели добрые, умные глаза и я сразу почувствовала к нему симпатию — он напоминал мне доброго волшебника из детских сказок. На нем был бархатная безрукавка, короткие штаны, стянутые ниже колен цветным шнурком, голубые чулки и потертые туфли с пряжками.

— Добрый день, — поздоровалась я, и мальчишки тут же сделали тоже самое, с любопытством разглядывая старика. — Мы хотим купить у вас книгу сказок.

— Чудесно! — он отложил толстый фолиант, который держал в руках и поманил мальчишек сухим, желтоватым пальцем. — У старого Жерномо есть много книг со сказками! Давайте я покажу вам!

Марко и Матео чуть ли не бегом бросились к нему, а я прошла мимо стеллажей, разглядывая разноцветные корешки. Чего здесь только не было и Гете «Страдания юного Вертера» и Руссо «Юлия, или новая Элоиза» и даже аббат Прево затесался между ними со своей «Историей кавалера де Грие и Манон Леско».

— Не думаю, что это хорошее чтение для столь юной донны, — услышала я позади себя приятный голос сеньора Жерномо и с улыбкой обернулась.

— Я не впечатлительная девица, читающая французские романы тайком от матушки. Если я и читаю такие вещи, то всегда ищу в них более глубокий смысл, а не сцены с поцелуями.

— Для юной девушки вы очень странно выражаетесь, — он внимательно посмотрел на меня и тут же добавил: — Но очень разумно.

— Изабель! Посмотри, что мы выбрали! — ко мне подошли мальчишки, и я увидела в руках Марко книгу Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера».

— Чудесный выбор, — похвалила я братьев, и сеньор Жерномо согласился со мной.

— В этой книге очень красивые иллюстрации и я уверен, что вы проведете за ней много приятных часов. А вы, донна, возьмете что-нибудь?

Окунувшись в уютную атмосферу книжной лавки, я тоже захотела что-нибудь почитать и купила «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Пьера Бомарше — эта комедия всегда нравилась мне.

Лучиана уже ждала нас на улице с полной корзиной покупок и, миновав узкие городские улочки, мы снова оказались на проселочной дороге.

Прошло минут двадцать нашего пути, когда Лучиана вдруг остановилась.

— Кто-то едет нам навстречу, — она приложила ладонь ко лбу, вглядываясь в знойное марево, дрожащее в воздухе. — Экипаж...

Действительно, поднимая облака пыли, по дороге неся темный экипаж и, поравнявшись с нами, конюх натянул поводья, останавливая лошадей. Дверца распахнулась, и мы увидели Антонио Галли собственной персоной.

— Донна Изабель, какая приятная встреча! — он спрыгнул на землю и направился к нам, улыбаясь такой широкой улыбкой, что казалось, будто кожа на его лице сейчас треснет. Напомаженный, с подкрученными усиками, он напоминал мне Дон Кихота в более молодой версии. Широкие рукава его белоснежной рубахи слепил глаза своей чистотой, а парчовый жилет переливался на солнце, напоминая латы пресловутого идальго. Он поцеловал мне руку,

поздоровался с Лучианой, а мальчишек потрепал за кудрявые головы. Матео фыркнул, а Марко отвернулся, отчего Лучиана покраснела и тайком показала им кулак.

— Добрый день, сеньор Антонио, — я вежливо поприветствовала его и поинтересовалась: — В город направляетесь?

— Нет, — он немного замялся, а потом сказал: — Я был на «Мистико соларе» и ваш рабочий сказал мне, что вы отправились за покупками. Чтобы не ждать, я решил выехать навстречу и подвезти вас к вилле.

— Как благородно с вашей стороны! — радостно воскликнула Лучиана и потащила мальчишек к экипажу. — По такому солнцепеку очень тяжело идти! Да еще с полной корзиной!

— Прошу вас, — Антонио жестом пригласил меня присоединиться к остальным, и мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить его и последовать за семьей.

Ишь как тебя растащило... Выехал навстречу, чтобы подвезти... Я усмехнулась уголками губ и подумала, что похоже меня ожидает очередное «интересное» предложение.

— Могу я узнать, что привело вас в «Мистико соларе»? — спросила я, когда экипаж тронулся и, развернувшись, поехал обратно.

— Желание помочь, — он театральным жестом поправил прическу и пригладил усы. — Я ведь понимаю, как вам тяжело.

— Ну что вы! — я видела его насквозь и не собиралась жеманничать с ним. — Все в порядке, уверяю вас.

— Вы молодая, одинокая девушка, а мир полон опасностей... — Антонио сделал скорбное лицо, словно все эти опасности уже мчались за экипажем.

— Вы считаете, что мне что-то угрожает? — я старалась выглядеть серьезной, но у меня это плохо получалось.

— Я бы не сказал, что вам что-то угрожает... — он изобразил беспокойство. — Но ваш дом некому защитить. Нет крепкой мужской руки...

— Мы можем защитить свой дом! — Матео сдвинул брови и его ручки сжались в кулачки. — Изабель нечего бояться!

Что-то мне подсказывало, что Антонио Галли идет дорожкой, которую протоптала сеньора Франческа. Он собирается сделать мне предложение.

— О, конечно! — мужчина наигранно улыбнулся мальчишкам. — Вы настоящие мужчины, но вам нужна помощь.

— Марко! Матео! Ведите себя прилично! — одернула ребят Лучиана. — И не суйте носы в разговоры старших!

Но Матео видимо сбил его с мысли и Антонио замолчал, нервно теребя манжеты рубахи. И слава Богу — мне его намеки на замужество, казались отвратительными. Как и он сам.

Когда экипаж остановился во дворе виллы, он выскочил первый и подал мне руку, сгибаясь вопросительным знаком и отставив назад ногу. Это было настолько потешно, что мальчишки прыснули, но под строгим взглядом Лучианы быстро пошли к дому, оглядываясь и хихикая.

— Благодарю вас, — я приняла его помощь и, оказавшись на земле, произнесла, глядя на него невинными глазами. — Я так устала, чувствую, как начинает болеть голова. Ваша помощь, сеньор Антонио, была неоценимой.

Он, наверное, хотел напроситься в гости, но после моих слов это выглядело бы не очень вежливо и, откланявшись, Галлиани отбыл.

Лучиана стояла на ступеньках дома и наблюдала за всем происходящим своим цепким, внимательным взглядом.

— Вы не пригласили сеньора Антонио на обед! Это некрасиво с вашей стороны, донна Изабель! — она принялась отчитывать меня, как только я поднялась к ней. — Что он о нас подумает?

— Я сказала, что устала и у меня болит голова, — мне не было никакого дела о том, что он подумает. — И вообще, есть дела поважнее, например, я хочу посмотреть в расчетные книги и посчитать, сколько мы должны рабочим.

— Вы??? — она поставила корзину на пол и ее брови поползли вверх. — Вы хотите посмотреть расчетные книги???

Я, молча, смотрела на нее и быстро соображала — если она так удивляется, то кто тогда вел записи и выдавал зарплату рабочим? Но Лучиана ответила на мой мысленный вопрос:

— Этим всегда занимался сеньор Карерро... Было хорошо, когда он приезжал к нам раз в неделю и разбирался со счетами... Такой добрый человек! Он помогал нам совершенно безвозмездно из христианских побуждений! Разве встретишь сейчас честных людей?

Я понятия не имела кто такой этот Карерро, но моя выработанная годами интуиция подсказывала, что в расчетных книгах найдется немало интересного.

— И почему же он больше не приезжает? — я, конечно же, примерно догадывалась о причине, но мне было интересно услышать это от Лучианы.

— У него много дел в нотариальной конторе, да и рабочие уходят от нас... Что здесь еще считать? Донна Изабель, он же предупреждал вас, — женщина подняла корзину и, вздохнув, произнесла умоляющим голосом: — Не лезли бы вы туда... Все равно ведь ничего в этом не понимаете.

Пройдясь по всем комнатам первого этажа, я разыскала кабинет бывшего хозяина и усе-лась за стол в мягкое кресло, обитое прекрасно выделанной кожей. Комната была просторная, с большими окнами и высоким потолком, но тяжелые бархатные портьеры почти не пропускали свет, и мне пришлось встать, чтобы раздвинуть их. Стены кабинета были окрашены светлой краской, а на деревянном полу лежал слегка вытертый посередине ковер.

В углу стояли напольные часы с серебристым циферблатом, и за лопнувшей стеклянной дверцей качался помутневший маятник. Тихое, размеренное тиканье, навевало сон, и я даже громко зевнула и потянулась, прежде чем открыть первый ящик стола.

Расчетная книга оказалась именно в нем и, положив ее на стол, я сдула с кожаной обложки приличный слой пыли. Мне хватило одного взгляда, чтобы разобраться во всем — «честный» человек, сеньор Карерро, ничего не записывал сюда минимум полгода. Похоже, следуя своим «христианским» убеждениям, он продавал вино из погребов «Мистико соларе» при этом забывая платить рабочим. Скорее всего, он отдавал какую-то часть от прибыли Изабель, но, не имея ни знаний, ни опыта, бедняжка даже не подозревала, как жестоко ее обманывают.

— Вот гад... — прошептала я, листая пожелтевшие страницы. — Встретишься ты мне, благодетель...

Я просмотрела старые записи, чтобы понять, какое жалование получали рабочие и, посчитав общую сумму, обрадовалась — даже расплатившись по долгам, я оставалась при деньгах. Пусть это была не большая сумма, но сам факт грел душу.

Заглянув на кухню и увидев, что Лучиана занята приготовлением обеда, я решила пойти проверить мальчишек и почитать в оливковой роще. Возможно, там будет старая Эдмунда и мне удастся поговорить с ней.

Марко и Матео были на своем месте с новой книгой и не став тревожить их, я пошла вниз по тропинке и вскоре оказалась под изумрудной сенью оливковых деревьев.

Эдмунды нигде не было и, усевшись на теплый камень, я углубилась в чтение.

Прошло не менее часа, и когда надо мной прогремел гром, я резко подняла голову. Не хватало еще попасть под дождь и заболеть! Темная туча заволочла небосвод, и как только последний луч солнца скрылся за ее плотным, свинцовым телом, поднялся ветер, и мне на плечо упала прохладная капля.

Соскользнув с камня, я быстро пошла между деревьями, надеясь, что успею до ливня и испуганно вскрикнула, когда прямо передо мной возник огромный черный конь. Не удержавшись на ногах, я упала и тут же услышала громкий, раздраженный голос:

— Вы что, хотите жизни лишиться?! Сумасшедшая девица!

Глава 6

Я подняла глаза и замерла, очарованная увиденным — на черном коне восседал самый привлекательный мужчина из тех, кого мне доводилось видеть. Его прямой, пронизывающий взгляд был немного ленивым, с прищуром и мне показалось, что мужчина оценивает меня.

Что ж, пусть ты и красавчик, но я не потерплю, чтобы меня называли сумасшедшей девицей, да еще и в таком тоне!

Приготовившись сказать что-нибудь язвительное, я открыла было рот, но он вдруг спрыгнул с коня и протянул мне руку.

— Давайте я помогу вам, дитя.

Черт! Я снова позабыла, что юна и невинна, как майский ландыш.

А вот мужчине на вид было лет тридцать или немного больше. Прямой нос, четко очерченные скулы и губы, немного смуглая кожа и иссиня-черные волосы делали его похожим на грека, хотя не велика разница, что грек, что энталиец... Золотисто-карие глаза с темным ободком вокруг радужки казались теплыми, но цепкий взгляд придавал им немного ироничной колочести.

Очень высокий и грациозный, будто хищник, мужчина выглядел элегантно и подтянутым. Белоснежная рубашка с распахнутым воротом, темный жилет, бриджи, идеально сидевшие на крепких бедрах и начищенные ботфорты, говорили о высоком положении этого человека. Было в его красоте что-то дьявольское, некая притягательная загадочность, на которую женщины в любые времена летели, как мотыльки на пламя свечи.

— Так дитя или сумасшедшая девица? — не удержалась я от язвительного вопроса и схватилась за его руку.

— Сумасшедшее дитя, — он резко дернул меня вверх и я припечаталась к нему всем своим телом.

Но это длилось всего секунду и я тут же «отлипла» от него и отошла в сторону. Он усмехнулся и, нагнувшись, поднял книгу, которую я уронила.

— О, как неожиданно... — протянул он, разглядывая обложку. — Женитьба Фигаро... Любопытные литературные пристрастия для юной девушки...

— Отличное произведение, — я гордо задрала подбородок, давая ему понять, что не позволю насмеяться надо мной. — С глубоким смыслом.

— Да что вы? Как интересно... — мужчина взглянул на меня по новому, с все нарастающим интересом и легкой снисходительностью, что невероятно раздражало. — И какой же глубокий смысл скрыт в этой комедии?

- В самом сюжете заключается насмешка над аристократией, — чеканя слова, ответила я, глядя на него в упор. — Простой слуга осмеливается оспаривать свою невесту у могущественного дворянина, и благодаря своей смекалке, ловкости и остроумию Фигаро выходит победителем в этой, казалось бы, неравной битве. Автор, осуждает структуру государства — привилегии рождения, бесчестность фаворитов, продажи судебных должностей, бесстыдство адвокатов, жадность придворных... Продолжать?

Он с трудом скрывал свое изумление, и этот факт пролился бальзамом на мою душу. Съел?

— Вы живете где-то поблизости? — спросил он, внимательно глядя на меня, и этот изучающий взгляд переместился на мои руки. — Ваши познания говорят о замечательном образовании, а вот ваши руки...

Он резко схватил мою кисть и перевернул ладонью вверх. Я вспыхнула, понимая, на что он смотрит. Дождь начинался все сильнее.

— Что не так с моими руками? — холодно поинтересовалась я и он нахмурился.

— На них мозоли. Вы трудитесь.

— А вы считаете труд чем-то постыдным? — мне нравилось дразнить его, но в то же время, я начинала злиться от такого неприкрытого снобизма.

— Донне из аристократической семьи не пристало заниматься ничем иным, кроме рукоделия, музицирования, посещения балов и прогулок. Любая работа приравнивает женщину к статусу прислуги, — надменно произнес он, отпуская мою руку.

Ах ты... Меня невероятно покорило это высказывание и вырвав из его рук книгу, я сказала:

— А еще не пристало высказывать своё мнение, озвучивать свою точку зрения, а спорить молодой девушке вообще запрещено. Впрочем, как и размышлять. И если волей случая вы родились девушкой, то вся ваша жизнь в руках отца, а потом мужа!

Я быстро пошла прочь, задыхаясь от возмущения, но сделав несколько шагов, услышала его тягучий, как патока голос:

— Случай распорядился мудрее, чем мы все, вместе взятые, моя крошка. И так всегда в жизни: мы-то стараемся, строим планы, готовимся к одному, а судьба преподносит нам совсем другое. Начиная с ненасытного завоевателя, который способен проглотить весь мир, и кончая смиренным слепцом, которого ведет собака, все мы — игрушки ее прихотей. И, пожалуй, слепец, который идет за собакой, следует более верным путем и реже бывает обманут в своих ожиданиях, чем тот, первый слепец со всей его свитой.

Цитата из Фигаро... Да ты не глуп...

Я не обернулась и прибавила шагу, слыша за своей спиной тихий смех.

Когда небеса низвергли из себя всю воду, которой были наполнены, я успела заскочить в большую постройку с высокими деревянными воротами. Я не заходила в нее до этого, а сейчас она находилась ближе, чем все остальные сараи и, скользнув между тяжелыми створками, я оказалась в... конюшне.

Стойла были пусты, но легкий запах ее бывших обитателей еще витал в жарком, сухом воздухе. Я насчитала двенадцать денников* — столько же здесь когда-то было и лошадей. Но мое внимание привлекла сломанная коляска, неуклюже раскоряченная в куче соломы. Ее внешний вид был абсолютно достойным — от кожаного откидного верха, до добротных, легких колес и не нужно было быть специалистом, чтобы понять, что у этой чудесной вещи, сломана рессора.

Я обошла ее, внимательно разглядывая все нюансы, и подумала, что в этом времени, коляска являла собой прекрасный заменитель моего «Порше». Осталось только раздобыть лошадей.

Ливень намочил дороги, омыл пыльную траву, и все, что изнывало от жары, моментально преобразилось под низким грозовым небом. Долгожданная свежесть опустилась на окрестности «Мистико Соларе», неся на своих прохладных крыльях привкусы дождя и терпкого разнотравья.

Дождь закончился и, выйдя из конюшни, я подошла к склону, с которого было видно все окрестности. Снова взошло солнце, грозовая темнота отодвинулась, и горизонт открылся чистой, омытой прелестью. Изумрудно-зеленые холмы сияли, озеро превратилось в зеркало и, как кудрявая оправа вокруг него, раскинулись виноградники, убегая так далеко, что при взгляде на них, начинали болеть глаза.

Насытившись этой бесподобной красотой, я уже подходила к дому, когда увидела экипаж, пристроенный под навесом возле входа. Опять гости? Это уже становилось невыносимым. Кто на этот раз? Николо Моррети? Притащился жениться на мне?

Я даже рассмеялась, представив, как хожу с короткими рукавами и ободренным подолом, чтобы не дай Бог не разорить своего мужа.

— Изабель, где ты была? — Марко бросился ко мне, как только я переступила порог вилы. — Они снова приехали!

— Кто? — понизив голос, спросила я.

— Гуерро! Тетка Франческа, сеньор Джузеппе и толстый Диего! — Марко по привычке возбужденно закурился на пятке и, щелкнув пальцами над головой, презрительно добавил: — Маледетти пуццоленти!

Я сначала потеряла дар речи, а потом гневно воскликнула, схватив его за ухо:

— Где ты набрался этой гадости?! Чтобы я больше не слышала подобного! Иначе я заставлю тебя вымыть язык с мылом! Ты меня понял?!

— Да! Да! — Марко скривился, но не заплакал. — Какая ты стала злая, Изабель!

Я отпустила его и покачала головой, не в силах сдержать смех. Проклятые вонючки... Как все-таки верно сказано... Это что-то, а не дети!

Лучиана накрывала на стол, а «дорогие» гости попивали вино в соседней комнатухе, которая была чуть меньше столовой. Похоже, для таких мероприятий она и была предназначена. Несколько небольших круглых столиков, буфет с выпуклыми стеклами в резных дверцах, мягкие кресла и софа, обитая основательно истертым бархатом — вот и все убранство, не считая конечно темного ковра, который замечательно гармонировал с подушечками, разбросанными на софе.

Франческа сидела на ней, будто ей к спине привязали палку — прямая и натянутая, как струна, она производила впечатление манекена или восковой фигуры из музея мадам Тюссо. Диего развалился в кресле и поглощал сыр, не забывая заливать его вином. Его лицо покраснелось, а ко лбу прилипли влажные пряди, будто он только что бежал марафон. Джузеппе уже был навеселе и смешно двигал бровями, что-то рассказывая громогласным голосом.

При моем появлении он замолчал, и его влажные губы растянулись в улыбке.

— Добрый день, донна Изабель. Не вымокли? Такой ливень ударил, не приведи Господь!

— Да нет, все обошлось, — я стояла в дверях, не в силах переступить порог. — Добрый день сеньора Франческа, Диего...

Женщина слегка кивнула, а ее племянник, не смотря на свою полноту, резво подскочил ко мне и приложился к ручке.

— Вы, как всегда прекрасны, донна.

Было в их поведении нечто отталкивающее, какая-то скрытая фамильярность, граничащая с неуважением. Какого черта им опять надо? Неужели я недостаточно ясно объяснила свою позицию?

— Прошу к столу, — за моей спиной появилась Лучиана и тут же вежливо отошла в сторону.

Неприятная троица прошествовала мимо меня, словно не я была в своем доме хозяйкой, а они и я заметила высокомерный и злорадный взгляд Франчески. Чего это она? Неужели гадость какую-то придумала?

Близнецы тоже присутствовали за столом и сидели с хмурыми лицами, уткнувшись носами в пустые тарелки. Я их прекрасно понимала — эта компания мне тоже не нравилась.

Лучиана приготовила томатный суп, тушеное мясо и сырную запеканку, при виде которой у Диего загорелись глаза. Недолго думая, гости схватились за столовые приборы и принялись угощаться, не обращая на нас с мальчишками никакого внимания.

Мое терпение лопнуло, и я холодно поинтересовалась:

— Так что привело вас в мой дом, сеньоры? Сомневаюсь, что это замечательная стряпня моей Лучианы.

— Да, — Франческа отложила нож и вилку и, промокнув губы салфеткой, продолжила: — У нас есть для вас новость, донна Изабель.

— Я горю от нетерпения услышать ее, — ледяным тоном сказала я, догадываясь, что для меня эта новость вряд ли окажется хорошей.

— Мне очень жаль вашу виллу и эти прекрасные земли, — Франческа наигранно вздохнула. — Поэтому я не могу оставаться безучастной, когда из-за вашего упрямства могут пропасть такие великолепные виноградники. Рабочие не сегодня-завтра, покинут «Мистико соларе» и здесь поселится запустение. Я уже чувствую его плесневелое дыхание.

Как пафосно! Старая ворона... Прищурившись, я смотрела на нее и ожидала удара, который она так тщательно готовила и он не заставил себя ждать.

— Думаю, вы уже наслышаны, что наш дорогой маркграф Массимо Ногаролла вернулся из путешествия по Европе? Так вот, я написала ему письмо, в котором поведала обо всем, что меня заботит и попросила, чтобы он обратил свое внимание на ваши земли, оставшиеся без крепкой, хозяйственной руки. Так же я объяснила его светлости, что вы молоды и неопытны, что вас легко обвести вокруг пальца, и вам нужна защита! В конце я добавила, что в нашей семье есть два холостых сеньора, которые могут возложить на свои плечи всю ответственность и за вас и за ваши земли.

Краем глаза я заметила, как Матео сыплет перец в тарелку Диего, который смотрел на тетку масляными глазами, и промолчала — это будет ему на пользу. Пусть взбодрится, жених...

Но то, что сказала Франческа, обеспокоило меня не на шутку. Еще не хватало, чтобы в эти дела вмешался какой-то маркграф! Тогда мне точно не сдобровать. Ну и змея... Чтоб ты провалилась!

Я повернула голову и увидела Лучиану, которая стояла в проходе со сжатыми кулаками, и ее глаза пылали от гнева. Еще секунда и она точно скажет нечто такое...

— Я услышала вас, сеньора Франческа, — мне стоило огромных усилий, чтобы говорить спокойно. — И очень тронута вашей заботой, но мне бы хотелось кое-что добавить.

— Да, говорите, донна Изабель, — она смотрела на меня и улыбалась с нескрываемым превосходством. — Надеюсь, это слова благодарности?

— О да! — я тоже улыбнулась ей сладкой улыбочкой. — Я буду очень благодарна вам, если вы больше не появитесь ни в моем доме, ни на моих землях. Мне противны ваши речи, ваше чавканье за моим столом, и ваша непомерная жадность. Ни один маркграф в этом мире, не заставит меня выйти замуж за вашего обжорливого племянника, или за вашего брата, которому пора бы уже думать о вечном, а не о молодых невестах!

За столом воцарилась тишина. Франческа побледнела так, что стала похожа на покойника, а Джузеппе наоборот налился краской, и я даже забеспокоилась, что его сейчас хватит удар.

— Ох! Охххх! Оооо! — громкий вопль Диего заставил всех повернуть головы в его сторону. Бедняга швырнул ложку в тарелку с тушеным мясом и быстро дышал, размахивая руками. — Аааа! У меня все горит!!!

Он схватил бокал с вином и начал жадно пить, но тут же оно полилось у него из носа, рассеиваясь по белоснежной скатерти темно-красными крапинками.

— Соооль! О Боже! Это соль!

Франческа вскочила с места и подбежала к нему со своим бокалом вина.

— О, мой дорогой! Вот, выпей!

После чего она обвела меня и мальчишек ненавидящим взглядом и прошипела:

— Вы поплатитесь за это! Это я вам обещаю.

Вся троица помчалась прочь, сыпля проклятиями, а мальчишки начали звонко смеяться, радостно вертятся на стульях. Мы с Лучианой тоже засмеялись, не особо заботясь о том, что нас отлично слышно гостям, так поспешно покидающим «Мистико соларе».

Но наше веселье длилось не долго. Просмеявшись, Лучиана присела за стол и сказала:

— Что же теперь будет, донна? А если маркграф действительно захочет выдать вас замуж?

— А разве он может заставить меня? — мне еще этих проблем не хватало.

— Конечно, может, — вздохнула она. — Поэтому я и говорила вам, чтобы вы продали «Мистико соларе». А теперь неизвестно чего ждать...

— Давай решать проблемы по мере их поступления, — попыталась я успокоить ее. — Если будет нужно, я сама отправлюсь к этому маркграфу и поговорю с ним!

— Вы станете просить его светлость об аудиенции??? — изумленно протянула Лучиана, хлопая глазами. — Вы серьезно, донна?

— Если нужно, я пойду к самому королю, — твердо ответила я. — «Мистико соларе» никто не получит. А сейчас походи и позови рабочих, я буду ждать их в кабинете отца.

— Хорошо донна, — Лучиана поднялась и вышла из столовой, ни сказав больше ни слова. Похоже, она начинала принимать меня новую и я надеялась, что в будущем она перестанет чрезмерно опекает меня.

Мальчишек, конечно, стоило наказать за то, что они устроили за столом, но мне было так неприятно семейство Гуерро, что я обошлась лишь легкой выволочкой.

Когда в дверь кабинета постучали, я уже приготовила деньги и, разложив их по мешочкам, спрятала в ящик стола. Первая вошла Лучиана, а за ней потянулись рабочие. Они поздоровались и остановились посреди комнаты, с неловкостью переминаясь с ноги на ногу.

— Хочу сообщить вам приятную новость, — я не стала тянуть кота за хвост. — Сегодня вы получите свои деньги.

Среди людей пронесся возбужденный ропот, они радостно уставились на меня и чтобы не испытывать их терпение, я подвинула к себе расчетную книгу, в которой были записаны их имена.

Вызывая их по очереди, я узнала кого как зовут, а еще узнала, что несколько человек умерло, не дожив до расчета.

— Вы не могли бы передать семьям этих людей, чтобы кто-то пришел и получил расчет за своих умерших родственников? — попросила я мужчину по имени Густаво Полетти и он быстро закивал:

— Конечно донна! Я обязательно передам им! Благослови вас Господь, что не оставили их!

Люди уходили радостные и счастливые, что в свою очередь благотворно подействовало и на меня. Было такое ощущение, что с моих плеч свалилась целая гора. Даже пусть она и была чужой.

В дверь снова постучали, и я удивленно подняла голову.

— Да, войдите!

В кабинет снова вошел Густаво и сказал:

— Донна, урожай пора давить, иначе он испортится.

— Хорошо Густаво, завтра и начнем, — пообещала я и пригласила его присесть. — Мне бы хотелось попросить вас об одной услуге.

— Я сделаю все, что в моих силах, — он внимательно посмотрел на меня.

— Научите меня делать вино. Я ведь ничего не смыслю в этом, — честно призналась я, прекрасно понимая, что нельзя начать бизнес, не разобравшись во всех его тонкостях.

— Можете быть уверены донна, я расскажу вам все, что знаю, — Густаво поднялся и поклонился мне. — Благодарю вас за все.

Он ушел, а я подумала, что не стоит откладывать ревизию дома. Здесь точно найдется, чем еще поживиться, чтобы продать и отложить средства на следующий месяц.

*Денник — закрываемое дверцей просторное стойло в конюшне или на скотном дворе, предназначенное для беспривязного содержания лошади, новорожденного теленка и т. д.

Глава 7

На следующий день я принялась за воплощение своего плана и еще до завтрака начала исследовать комнаты виллы. Решив, что на чердаке вряд ли найдется нечто стоящее, я отложила его осмотр на потом и углубилась в изучение комнат на втором этаже. Кроме моей спальни и спальни мальчиков, здесь находилось шесть комнат для гостей и две хозяйских в дальнем конце коридора. В них я задержалась дольше, чем в остальных, с интересом разглядывая бережно хранимую историю людей, когда-то живших здесь.

Мужская спальня была строгой, без каких либо излишеств и в ней расположились лишь большая кровать, шкаф и небольшой стол-бюро. На нем были аккуратно расставлены письменные принадлежности, и лежала стопка чистой бумаги, будто хозяин вот-вот должен прийти и взяться за написание письма. Серебряный подсвечник сразу исчез в моем мешке, а следом за ним туда отправилась и чернильница.

Спальня хозяйки выглядела нежной и очень женственной, с изящной мебелью и милыми безделушками, среди которых были статуэтки пастушек, чайный сервиз, зеркальце в позолоченной оправе и шкатулка для драгоценностей. Она, конечно же, была пуста и я подумала, что нужно обязательно выведать у Лучианы о ее содержимом. Вместо колец и браслетов в шкатулке лежала небольшая библия, и я аккуратно взяла ее в руки. Пролистав пожелтевшие страницы, я вдруг обнаружила запечатанный конверт без каких либо надписей, но внутри точно что-то было и, решив, что разберусь с этим позже, засунула его в карман.

Мое внимание привлекла искусно написанная картина, висевшая напротив кровати, и я подошла ближе, с интересом глядя на людей, изображенных на ней. Это была семья — красивая женщина в светлом платье, которое мягкими складками лежало у ее ног, строгий, но привлекательный мужчина в бархатном камзоле и девочка лет десяти с милой родинкой на щечке. Так это же я!

Приблизив нос к краю полотна, я прочла: «Барон Лусио ди Кантини, баронесса Аллегра ди Кантини и донна Изабель ди Кантини».

Ха! Да я дочь барона! Вот так дела... Значит, я не просто хозяйка виноградника, а настоящая аристократка! Удивительно...

— Простите меня, — прошептала я, глядя на когда-то счастливую семью. — Я всего лишь пытаюсь спасти все, что принадлежало вам. Чтобы мальчики не остались на улице.

Со стороны окна послышался легкий шум и, обернувшись, я увидела белую голубку, сидящую на карнизе. Она несколько секунд смотрела на меня темными бусинами глаз, а потом, красиво взмахнув крыльями, взмыла вверх и растворилась в солнечных лучах.

— Драгоценности? — Лучиана тяжело вздохнула, поглядывая на полный мешок, который я поставила на кресло в гостиной. — Да, у вашей матушки было много украшений. Сеньор Кантини всегда одаривал свою супругу прекрасными вещами. Но увы, когда после его похорон, я поднялась в комнату сеньоры Аллегры — шкатулка была пуста. Скорее всего, украшения украли слуги. А я так надеялась, что удастся что-то сохранить для вас...

— Ничего, не стоит терзать себя, — я тоже вздохнула — с драгоценностями дело пошло бы куда веселее. — Мы выкарабкаемся и без них.

— Все, что принадлежало вашему отцу, пришлось продать до последней запонки, — Лучиана уставилась в окно невидящим взглядом. — Господи... все изменилось за один миг... Счастье покинуло «Мистико соларе».

— Оно еще может вернуться сюда, — сказала я и обняла ее. — Просто нам всем нужно очень постараться.

— Но как вы решились войти в комнату родителей? — она подняла на меня глаза. — Вы не были там после смерти отца.

— Пришло время бороться с призраками прошлого, — уверенно сказала я и добавила: — На днях нам понадобится телега, чтобы отвезти кое-что из мебели в ломбард.

— На ней Густаво возит корзины с виноградом, но я думаю, он с удовольствием отвезет нас в город. После вчерашнего, люди очень благодарны вам, донна, — ответила Лучиана, уже не противясь моим идеям. — А сейчас помогите мне с завтраком, раз вы уже на ногах. Скоро мальчишки проснутся, а я обещала им блинчики.

В этот день работы было столько, что я еле доползла до кровати, желая одного — спокойно умереть.

Густаво возил с виноградников урожай, и мы всей семьей давили его в деревянном чане, хорошенько вымыв до этого ноги.

— У нас же есть пресс, — я покосилась на чан, полный винограда. — Зачем давить ногами?

— Человеческие ноги лучше пресса для винограда, — смеясь, ответил мужчина. — Ноги выдавливают из кожуры все, что нужно, но не способны раздавить косточки, придающие вину горечь. А это очень важно для хорошего напитка, донна. Из того, что вы давите сейчас, получится замечательное вино.

Оказалось, что метод давления винограда ногами имеет и определенные преимущества — ступни человека более чувствительны, чем пресс, и они быстро находят какие-то сгустки и комки нераздавленного винограда на дне емкости или по ее углам. Они также чувствительны к температуре отдельных участков и более прохладные, говорили о том, что в этом месте плохо идет процесс брожения, который, как известно, сопровождается выделением тепла.

Я, конечно, с трудом представляла, как можно пить вино после чужих ног, но тут же вспомнила занимательный факт из прошлой жизни — такой способ изготовления вин можно было встретить среди небольших производителей и в моем времени. А вот в крупных объемах это делалось только в Португалии. Там это было не только данью уважения традиции, но и необходимостью, поскольку это лучший способ давить виноград для премиального Порто*. Но там всего около двух процентов Порто изготавливается таким способом, и это лучшие его марки.

Мальчишки веселились вовсю, им ужасно нравился этот процесс, а бедная Лучиана ахала и охала, но молча давила вместе со всеми, заправив подол юбки за пояс фартука.

После этого мы приняли душ, который оказался настоящим открытием для моих домохозяек. Густаво поднял бочку на сарай еще с утра и набрал в нее воду, которая, конечно, не прогрелась до конца, но была достаточно комфортной.

— Как тебе это только в голову пришло? — изумлялась Лучиана, посетив душевую. — Так удобно! И почему раньше никто до этого не додумался???

Чистые и ужасно уставшие, мы отправились готовить ужин, но он так и остался нетронутым — не дождавшись его, близнецы заснули одетыми на своих кроватях, а мы с Лучианой перекинулись понимающими взглядами и разошлись по комнатам, не желая не то что ужинать, но и вообще двигаться.

Пришло утро и сидя в телеге, я всем телом ощущала каждую кочку и каждую ямку на дороге — после вчерашней давки винограда не болели только уши. Лучиана стоически терпела, напевая какую-то грустную песенку, а Марко и Матео, читали книгу, зарывшись в солому.

Но я все равно находилась в приподнятом настроении, чувствуя удовольствие от того, что делаю.

Ростовщик встретил нас куда более приветливее, чем в первый раз и его глаза загорелись практически адским огнем, когда он увидел сколько добра лежит в телеге. Щупая дрожащими пальцами дорогую мебель, он цокал языком и даже пошутил, приблизившись к Лучиане, сидевшей возле резной тумбочки:

— За эту сеньору дам двадцать тысяч. Не торгуйся.

— О Мадонна! — воскликнула Лучиана и поправила вырез на блузе. — Сеньор Рикардо, у вас не хватит денег, чтобы купить этот товарчик!

Мальчишки закатили глаза и, спрыгнув на землю, Матео спросил:

— Изабель, можно мы пойдём в книжную лавку! Мы подождём тебя там.

— Хорошо, только ни шагу оттуда! — приказала я, и они помчались к магазинчику, ловко лавируя между людьми.

Я убедилась, что они вошли в лавку, и повернулась к ростовщику, который в нетерпении ожидал моего внимания.

Его слуга и Густаво принялись заносить мебель внутрь, а Лучиана, как коршун наблюдала, чтобы ничего не пропало.

За все добро я выручила приличную сумму денег и когда пошла за мальчишками, Густаво следовал за мной, чтобы не дай Бог, меня не обокрали.

Сеньор Жерномо встретил меня радушно и даже предложил кофе, но я отказалась, так как нас ждала Лучиана, охраняя телегу с лошадьёю. Близнецы выбрали две книги и теперь смотрели на меня умоляющими взглядами, прижимая к себе это сокровище. Ну и как я могла отказать им?

Мы уже почти выехали из города, когда мое внимание привлекло какое-то собрание — пятеро мужчин что-то возбужденно обсуждали и один из них постоянно дергал за поводья большого коня, красивой серой масти, с белым пятнышком во лбу. У животного были такие печальные глаза, что мое сердце не выдержало и, остановив нашу процессию, я попросила Густаво, чтобы он узнал, что происходит.

Мужчина вернулся и рассказал, что один из них продает коня, но цена слишком высока — у животного истощенный вид, а на боку рана, поэтому никто не хочет платить такие деньги.

Я не знаю, что понесло меня в эту толпу — может глаза коня, а может интуитивное чувство правильности этого поступка, но когда мужчины замолчали, заметив мое присутствие, я громко спросила:

— Сколько хочешь за него?

— Пятьсот тиров, — хозяин коня насмешливо взглянул на меня. — Донна, шли бы вы домой.

Остальные захохотали, поглядывая на меня, как на умалишенную, но меня это мало заботило. Я посмотрела на животное и сразу заметила торчащие ребра и гноившуюся рану на боку. Умные глаза повернулись в мою сторону и наши взгляды встретились.

— Я беру его, — сказала я и, спрятавшись за Густаво, отсчитала нужную сумму.

Сунув деньги хозяину, я вырвала у него поводья и повела коня к телеге, слыша, как он кричит вслед:

— Его зовут Вихрь!

Раздался хохот, похоже, они насмеялись над беднягой, ведь назвать Вихрем этого дохлягу, было сродни глупой шутке.

— О Боже! — воскликнула Лучиана и ее глаза стали, как две плоскости. — Донна, зачем он вам?! Он же по пути сдохнет!

— Не сдохнет, — я так посмотрела на нее, что женщина замолчала и отвернулась.

Зато Марко и Матео были в восторге, и пока Густаво привязывал коня к телеге, гладили его по длинной спутанной гриве, а он тихо ржал, мотая красивой, крупной головой.

— Вы молодец, донна, — сказал вдруг Густаво. — Это хороший конь. Мясо нарастет, а рану вылечим — моя жена делает отличную мазь. Он молодой и крепкий, просто был в плохих руках.

На душе стало так хорошо, будто я спасла не коня, а целый мир, хотя, может так оно и было — по крайней мере мир этого животного, точно.

Вихря мы устроили в конюшне и, выпив воды, он сразу же лег на солому и уснул.

— Он измучен, — Густаво закрыл стойло и сказал, поворачиваясь ко мне: — Донна, я сегодня же принесу мазь, и мы обработаем его рану. Все будет хорошо.

— Мне бы очень этого хотелось, — у меня сердце обливалось кровью при взгляде на бедного коня — была бы моя воля, такие вот «хозяева», издевающиеся над животными, сидели бы в тюрьме! — Он станет вновь жизнерадостным парнем?

— Если вы будете к нему хорошо относиться, то он даже станет тем самым Вихрем, каким был в былые времена, — улыбнулся мужчина. — Доброта и ласка творят чудеса.

Когда я вернулась в дом, меня уже ждал горячий обед, и вся наша семья с удовольствием доела сырную запеканку и холодные блинчики с вареньем. Мальчишки тут же умчались на свое любимое место с новой книгой, Лучиана задремала, сидя в кресле, а я пошла в оливковую рощу. Мне очень хотелось увидеть старую Эдмунду, и попросить у нее совета. Я чувствовала, что она может помочь — ее мудрый, понимающий взгляд обещал мне это.

Оказавшись возле камня, я огляделась и сразу же увидела в зеленых, густых зарослях ее красную юбку.

— Донна, вы пришли очень вовремя, — старуха выбралась из кустов и подошла ближе. — О, это для старой Эдмунды?

Она посмотрела на сверток в моих руках, и я, улыбаясь, кивнула.

— Да, это сырная запеканка, — я протянула ей угощение, которое отложила еще за обедом. — И немного молодого вина.

— Благодарю тебя дитя, — старуха приняла мой гостинец и забралась на камень. — Ты очень добра ко мне, но я хотела предупредить тебя.

— О чем? — я тоже залезла на теплую поверхность и замерла в ожидании.

— Я видела во сне огонь... Он пожирал стены и крыши и его горячие языки облизывали землю... — прошептала Эдмунда и я даже испугалась, когда ее глаза покрылись мутной пленкой, похожей на бельма. — Люди плачут... на их сердца опустилась печаль...

— Вы говорите о «Мистико соларе»? — по моей спине пополз неприятный холодок страха. — На вилле будет пожар?

— Нет, — покачала она головой и ее глаза вновь стали обычными. — Но «Мистико соларе» даст надежду...

Я ничего не поняла, но немного расслабилась от того, что это предупреждение не о нашем доме. Только пожаров не хватало на этой многострадальной земле.

— Моей семье ничего не угрожает? — спросила я и Эдмунда хрипло рассмеялась, пригубив вина.

— Нет, пока я не вижу страшных бед, грозящих твоей семье.

Мне совсем полегчало и чтобы не ломать голову над загадочными предсказаниями колдуньи, я рассказала ей о Вихре.

— Этот конь привезет тебя к замужеству, дорогая... — старуха облизала пальцы после запеканки и, соскользнув с камня, прошептала: — Твоя душа чиста и отлично видит знаки провидения. Вихрь — это то, что приведет колесо твоей судьбы в движение!

Не обращая более на меня внимания, она схватила бутылку и скрылась в зарослях, ворча что-то себе под нос.

Я еще немного посидела, раздумывая над ее словами и решив, что с проблемами стоит разбираться по мере их поступления, спрыгнула на землю. Нужно пойти, проверить мальчишек.

— Донна незнакомка!

Бархатный голос с нотками теплого южного дня, прозвучал так неожиданно, что я испуганно охнула и резко обернулась. Умник на черном жеребце!

Он стоял, опершись спиной о толстый ствол оливы и сложив на груди большие руки. Самоуверенный и гордый, мужчина напоминал мне ленивого и наглого кота. Или все-таки льва? Эх, плохо ты меня знаешь, сеньор...

— Да, дон Умник, я вся во внимании, — я улыбнулась ему и подошла к коню, щипавшему неподалеку травку. — Как же он хорош...

— Дон Умник? — мужчина захохотал, откинув свою красивую голову. — Вы сама непосредственность. Могу я узнать ваше имя?

— Изабель, — ответила я, умышленно не называя фамилии. — У вас такой красивый конь, он наверное стоит бешеных денег.

— Да... Смерч появился у меня совсем недавно и уже завоевал мое сердце, — ответил незнакомец. — До него у меня... хотя... это не важно сейчас.

Мужчина встряхнул головой, словно отгоняя неприятные мысли и снова принялся задавать вопросы.

— Вы живете поблизости, донна Изабель?

Я взглянула на него из-под ресниц и подумала, что все-таки нет смысла скрывать от него кто я и где живу — зная мое имя, он вполне может узнать и все остальное.

— Да, на вилле «Мистико соларе», — ответила я, и он нахмурился, будто вспоминая что-то.

— Вы дочь покойного барона Лусио ди Кантини? — наконец, спросил он, внимательно глядя на меня.

— Да, так и есть, — призналась я, и любопытство в его взгляде вспыхнуло еще сильнее.

— Вы сами управляете виллой и виноградниками?

— Учусь управлять, — кивнула я не без некой гордости. — Думаю, у меня все получится.

— Я слышал, что ваши соседи желали купить у вас земли. Это так? — мужчина стал серьезным и его пронизательный взгляд, будто приклеился к моему лицу.

— Желали... — я вспомнила семейку Гуерро и еле сдержалась, чтобы не передернуть плечами. — Но я вежливо отказала им. Мой дом не продается. А вы я смотрю, хорошо осведомлены обо всем, что происходит здесь...

— Знаете ли, сплетни в высших кругах разносятся быстрее, чем на рыночной площади, — улыбнулся он, но его глаза оставались серьезными. — И как они отреагировали на отказ?

— Некоторые из них сразу же бросились жаловаться маркграфу, — протянула я и тут же подумала, что слишком много рассказываю этому незнакомцу. Нужно держать язык за зубами!

— И вы думаете, что он прислушается к их жалобам?

— Этого я не могу знать, но хотелось, чтобы он оказался мудрым человеком, а не самодуром, — вздохнула я и сказала: — Вы узнали мое имя, но сами не представились, сеньор. Это не очень вежливо с вашей стороны.

— Прошу прощения, донна, — он поклонился, а потом посмотрел на меня веселым взглядом. — Дон Массимо Ногаролла к вашим услугам.

— Ну, вот теперь другое дело, — мне показалось, что я уже слышала это имя. — Приятно было познакомиться, дон Массимо, но мне уже пора возвращаться домой.

— Не смею больше задерживать вас, — он снова поклонился мне и пошел к Смерчу, а я, закусив губу, смотрела в его спину. Ногаролла...

Догадка обожгла меня в тот момент, когда мужчина вскочил на коня и проезжая мимо, отсалютовал мне, приложив к шляпе два пальца. Это же и есть маркграф!

Вот так дела! Я разговаривала с самим маркграфом и назвала его дон Умник, а потом еще и предположила, что он самодур!

— Ну ты даешь... — прошептала я, качая головой. — И что теперь будет?

Мальчишек под дубом не было, и я нашла их в конюшне с Вихрем. Они кормили коня яблоками и, завидев меня, принялись наперебой рассказывать какой он хороший и добрый.

— Когда Вихрь выздоровеет, мы поведем его на дальнее поле, где сочная трава, да Изабель? — Матео протянул мне яблоко. — Дай ему яблоко, и ты увидишь, как аккуратно он берет его!

— Конечно поведем, — я взяла яблоко и протянула его коню. — Думаю, он даже позволит вам покататься на нем.

Вихрь действительно очень аккуратно взял угощение, касаясь моей руки теплыми губами и тихо заржал, будто благодаря.

В конюшню вошел Густаво и я увидела в его руке глиняный горшочек с мазью и чистые тряпки.

— Принесите мне теплой воды из кухни, — попросил он мальчишек и те помчались исполнять его просьбу.

Конь дал промыть рану и лишь иногда подергивал ноздрями и всхрапывал от боли. Он словно понимал, что ему помогают, и вел себя спокойно.

— Сейчас станет легче... — прошептал Густаво, накладывая мазь осторожными движениями. — Перестанет болеть, и ты поспишь.

— Спасибо вам, что помогаете, — поблагодарила я мужчину, и он немного смутился.

— Я не могу по-другому, донна. Человек должен быть милосердным.

— Если бы все думали как вы, — вздохнула я, радуясь тому, что рядом со мной есть замечательные люди. — Мир стал бы куда добрее.

* **Портвэйн** (от нем. Portwein — **вино** из **Порту**), порто — креплёное **вино**, производимое на северо-востоке Португалии в долине реки Дору.

Глава 8

Я решила ничего не говорить Лучиане, чтобы она не начала накручивать себя беспочвенными фантазиями и оставила в тайне нашу встречу с маркграфом. Но сама постоянно думала о ней, гадая — чем все это обернется для меня и не станет ли он мстить мне за самодура. Хотя, если честно, я очень сомневалась, что он способен затаить зло из-за такой мелочи. Да, маркграф был немного высокомерным и слегка надменным, но он не был подлецом. У них другие глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.